

На правах рукописи

Кустова Елена Юрьевна

**ФРАНЦУЗСКОЕ МЕЖДОМЕТИЕ:
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, СЕМИОГЕНЕЗ И
ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ**

Специальность 10.02.05 — романские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Воронеж — 2010

Работа выполнена в Пятигорском государственном
лингвистическом университете

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Рылов Юрий Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
академик МАН ВШ
Фирсова Наталья Михайловна

доктор филологических наук, профессор
Фененко Наталья Александровна

доктор филологических наук, профессор
Моисеева Софья Ахметовна

Ведущая организация: Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова

Защита состоится 1 марта 2010 года в _____ на заседании дис-
сертационного совета Д 212.038.16 при Воронежском государст-
венном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, Универси-
тетская пл. 1, ауд. 49.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Велла Т.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена анализу системно-семиотических и функциональных свойств французских междометных и ономатопеических единиц, объединяемых в единый функциональный класс интеръективов – регуляторов когнитивных и интеракционных процессов функционирования говорящего субъекта в коммуникативной среде.

Основы исследования интеръективной семантики заложили ученые разных поколений — А.А. Потебня, А.А. Шахматов, С.О. Карцевский, Р.О. Якобсон, В.В. Виноградов, А.А. Реформатский, В.Г. Гак, Е.А. Реферовская, А. И. Германович, В.И. Шаховский и другие. За рубежом в исследования интеръективов внесли существенный вклад работы Ш. Балли, Л. Теньера, грамматики французского языка Ж. Дамуретта и Э. Пишона, Ф. Брюно, психомеханика Г. Гийома, теория динамического аспекта высказывания (*Théorie de l'énonciation*) Э. Бенвениста, теория аргументации О. Дюкро и другие.

Междометие представляет собой наиболее актуальное для изучения явление, и не потому, что относится к «периферии» языковой системы, а потому что в проблеме междометия, как в капле воды, отражается вся самая актуальная проблематика современной функциональной лингвистики [Wilkins 1992].

Именно поэтому междометие стали относить к особым прагматическим единицам языка, сущность которых - отражение различных аспектов коммуникативного акта в ситуации речевого взаимодействия [Langue française 1979; Journal of Pragmatics 1992; Langages 2006, etc.].

Современные отечественные исследования активно разрабатывают антропологическую методологию изучения междометия, стараясь обнаружить универсальное и особенное в интеръективных системах того или иного языка в разных научных ракурсах: полевое моделирование интеръективов [Граф 2007]; функционально-прагматические характеристики междометных высказываний как единиц дискурса [Андреева 1999; Анищенко 2006; Афанасьева 1996; Бахмутова 2006; Белоус 2006; Болтнева 2004; Коминэ 1999; Леонтьева 2000; Максимова 2000; Мамушкина 2006; Николаева 2006; Параховская 2003; Скачкова 2006; Шаронов 2008]; место междометий в системе частей речи и типы интеръективной модальности [Середа 2004]; фонетическая форма и семантика интеръективной первичности и вторичности [Алференко 1999; Пузиков 2006]; структурно-семантические аспекты интеръективного словообразования [Кученева 2000; Чуранов 2008]; национально-культурные особенности и этновариативность междометий [Гостемилова 2003; Денисова 2004; Исянгулова 2008; Карлова 1999; Матасова 2006; Платонова 1996; Фатюхин 2000; Шахбанова 2006; Юсупова 2007]. Особого внимания заслуживает ряд работ С.С. Шляховой, в том числе, фундаментальное исследование звукоизобразительной системы русского языка [2005; 2006].

Среди современных зарубежных исследователей междометий в первую очередь необходимо отметить таких авторов, как Ф. Амека [Амека 1992;

1994]; А. Вежбицка [Вежбицка 1999; Wierzbicka 1992], Д. Джеймс [James 1973], Д. П. Уилкинз [Wilkins 1992], а также исследователей французских интеръективов — Ж.-М. Барбери [Barb ris 1992]; К. Буридан [Buridan 2006]; М.-Л. Демон  [1998 a,b; 2006]; Г. Досты [Dostie 2004]; Ж. Клебер [Kleiber 2006]; К. Оливье [Olivier 2000]; К. Сидар-Искандар [Sidar-Iskandar 1983]; М. Святковска [ wiatkowska 2000; 2006] и др.

Монографические исследования междометий французского языка в отечественной лингвистике практически отсутствуют, за исключением диссертации Е.Е. Корди [1965] и работы, положившей начало разрабатываемой нами концепции [Кустова 1997].

Анализ современной лингвистической и лексикографической литературы, с одной стороны, и исследование корпусов разговорной речи и речевого материала разножанровых дискурсов, с другой, показывают, что недостаточно рассматривать проблему междометия в рамках теории частей речи или отождествления междометия и предложения. Междометие как элемент системы не тождественно ни слову с его понятийным потенциалом, ни предложению с его структурной организацией. Междометие представляет собой синкретичный речевой продукт говорящего, производное его эмоций, его отношения к высказываемому и к условиям произнесения высказывания.

По определению В.В. Виноградова, междометия представляют собой обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов. Интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя [Виноградов 1972].

Из этой емкой характеристики следует несколько принципиальных, *методологически базовых*, для нашего исследования позиций:

- особый семиотический статус междометий;
- принадлежность междометий к «речевым» единицам языка;
- спонтанность и аффективность порождения интеръективов;
- смысл междометной локуции реализуется лишь в момент речевой интенции/реакции говорящих (психологичен, прагматичен, ситуативен).

Системное освещение этих особых характеристик междометия и составляет содержание теории интеръективов, строящейся на основе холистического синтеза когнитивного, семиотического и интеракционального подходов.

Актуальность исследования. Существующие классификации интеръективов, отражая определенные свойства междометия, не проясняют в полной мере системной функциональной значимости интеръективов в речи. Ни морфологические, ни синтаксические, ни семантические модели описания междометия не вскрывают их интеракциональной природы, не объясняют их частотность и, более того, системную облигаторность в аутентичном речевом взаимодействии. Актуальность определяется необходимостью развития парадигмы глубинных механизмов интеръективного смыслообразования и функционирования в языке и речи, расширения пространства приложения

семиотической методологии к анализу интеръективных систем, применения когнитивного анализа в преломлении к функциональным лингво-системам (категориальным полям), в данном случае — интеръективной системе французского языка. Систематизация интеракционных функций интеръективов позволяет выявить их роль в актуализации языка в речевом взаимодействии, их связи с коммуникативными категориями речевого акта, интегрирующую значимость интеръективных механизмов речи, т.е. когнитивную, психологическую и коммуникативную потребность человека в интеръективных формах плана выражения.

Объектом исследования стали интеръективы *французского языка* (interjections), рассматриваемые как лексико-грамматический и функциональный класс, их семиогенетические особенности, а также интеръективная система французского языка, обеспечивающая структуру и функционирование речевой интеракции. В работе освещается когнитивная и интеракционная природа и функционально-семиотическая значимость интеръективной системы французского языка в реализации категорий коммуникативного акта и дискурса (когерентность, релевантность, аргументативность, интерперсональность и т.д.).

Предметом исследования явились когнитивные и семиотические свойства мотивированности интеръективного знака, системно-языковые трансформации — от полной мотивированности к квази- и псевдомотивированности, а затем и к полной десемантизации, т.е. механизмы составляющие *функциональный семиозис интеръективных единиц языка*, а также феномен прагма-семантической конверсии — интеръективизации дескриптивных единиц французского языка.

Целью исследования становится создание непротиворечивой интеракционной теории, выявляющей особенности семантики и прагматики междометий французского языка как функционально-интеракционной системы, отражающей их значимость в речевой интеракции как маркеров различных аспектов динамики коммуникативного взаимодействия (пропозиционного, иллокутивного, аргументативного, интерперсонального и дискурсивного) и коннекторов, связывающих элементы интеракционного дискурса.

Основная **гипотеза**, подтвердившаяся в ходе нашего исследования, состоит в том, что интеръективные формы — это семиотические прототипы и универсальные когнитивные коннекторы, соединяющие когнитивный эмоционально-рациональный аппарат индивида с отображаемой им реальностью и координирующие взаимодействие когнитивных пространств и интеракционных программ субъектов в процессе речевой интеракции

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) провести диахронический анализ морфосинтаксического и лексико-семантического критериев через сопоставление различных концепций исследователей междометия как части речи в разносистемных языках; 2) отграничить имманентно-статические — морфосинтаксический и лексико-семантический — критерии от когнитивно-функциональных (динамических) критериев анализа и

классификации междометий; 3) выработать когнитивно-функциональную систему динамических критериев анализа и классификации междометий (прототипический, функционально-семиотический, деривационный и функционально-интеракциональный критерии); 4) рассмотреть состояние современной лексикографической и грамматической кодификация французских интеръективов; 5) проанализировать феномен интеракциональности как прототипического функционального свойства лексико-грамматического класса междометий; 6) показать закономерность и целесообразность включения междометий и звукоподражаний в один онтологический и функциональный класс интеръективных форм, или интеръективов, того или иного языка на основе общих когнитивно-прототипических механизмов их образования и функционирования; 7) выявить особый характер деривационного процесса междометизации дескриптивных элементов языка (лексем и фразем), основанного на конверсивных отношениях семантики и прагматики интеръективного знака; 8) обосновать понятие интеръективной конверсии как механизма, *принципиально отличающегося* от других проявлений конверсивного словообразования в силу изменения семиотического статуса производных интеръективов, переходящих в разряд семиоимплективных, праксемических знаков; 9) определить семиотические и функциональные типы интеръективов французского языка; 10) установить функциональный статус интеръективной системы французского языка в речевом взаимодействии; 11) разработать классификацию интеракциональных категорий высказывания в речевой интеракции, реализующихся при системном употреблении интеръективов.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Интеръективы представляют собой прототипические элементы языка и речи как с точки зрения глоттогенеза, так и с точки зрения синхронических когнитивных механизмов перцепции: они тяготеют к интуитивно-эмоциональным (правополушарным) средствам отражения действительности. Прототипическая интеракциональность интеръектива вытекает из его особых когнитивных и фонопросодических свойств, обеспечивающих инстантную по форме и синкретичную по содержанию реализацию семиотической связи в системе субъект–объектных и субъект-субъектных когнитивных взаимодействий. Отсюда:

а) звукоподражательные, звукоизобразительные интеръективные формы осуществляют холистско-симультанную программу переработки информации. Они синкретично, в недискретной, эмоциональной форме отражают когнитивную *субъект-объектную интеракцию*, т.е. взаимодействие человека с познаваемым миром;

б) интеръективы являются прототипическим средством *субъект-субъектной интеракции* на уровне ритуализированных форм речевой деятельности;

в) семиотический синкретизм и омнисемантичность интеръективов прямо пропорциональны их моновокальности и обратно пропорциональны поливокальности и консонантизму;

г) паралингвистическая (просодическая) составляющая интеръективной формы в сочетании с признаком фонетической идиосинкразии (невосприятие фонологической системой языка) являются условием *sine qua non* для образования (возникновения) и функционирования междометия в системе языка и речи;

д) омнисемантичность, т.е. приобретаемое в ситуации прагматическое значение *ad hoc* ('по случаю') является характерологической чертой интеръективов;

2. Эмотивно-аффективная семантика релятивна и интеракциональна по своей сути: она отражает отношение человека к предмету мысли, с одной стороны, и импрессию, т.е. влияние предмета восприятия на самого человека, с другой (субъект-объектная интеракциональность). Передача импрессии осложняется «фактором адресата», смешивается с семантикой отношений с собеседником в процессе субъект-субъектной интеракции. Адекватное описание семантики интеръективов основано на выявлении их семиоимплективной природы, их функциональной значимости в системе «язык-речь».

3. В результате семиотической конверсии интеръективный знак меняет свой семиотический статус. Из конвенционального знака-символа с однозначной и устойчивой связью означающего и означаемого семиотический конверсив превращается либо в иконический знак (звукоизобразительные междометные слова), либо в индекс с его ситуативно-контекстуальной обусловленностью.

4. Внутреннее свойство знака — быть интерпретируемым, лежащее в основе корреляции означающего и означаемого, — реализует активность номинирующего субъекта и определяет в конечном итоге причины соответствия данной языковой формы своему содержанию (мотивированность). Активность номинирующего субъекта приводит к обратному процессу — от конвенциализации к прагматизации символического знака.

5. Функционально-интеракциональная система интеръективов французского языка отражает их значимость в речевой интеракции как маркеров различных аспектов динамики коммуникативного акта (пропозиционального, иллокутивного, аргументативного, интерперсонального и дискурсивного) и коннекторов, связывающих элементы интеракционального дискурса.

Научная новизна исследования состоит в предпринятом впервые системном функционально-семиотическом анализе и функциональной типологии интеръективных языковых и речевых единиц французского языка, в выявлении прототипичности интеръективов в глоттогенетическом и когнитивном аспектах, в описании семиогенеза междометных и ономатопеических единиц, в раскрытии механизмов семантико-прагматических трансформаций, обуславливающих закономерности образования и функционирования системы интеръективов.

Впервые в романистике проведено комплексное исследование французского междометия как части речи с точки зрения преморфологического (прототипического), морфо-синтаксического, лексико-семантического,

функционально-семиотического, деривационного и функционально-интеракционного критериев анализа.

В работе впервые представлена классификация семиотических типов интеръективов, описана система функционирования междометий французского языка в речевом взаимодействии.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней разработана функционально-семиотическая типология французского междометия, основанная на полиаспектном подходе, объединяющем когнитивные механизмы порождения и восприятия речи с телеологической концепцией языка как знаковой системы. Теоретической значимостью обладают такие выявленные в исследовании свойства междометных единиц, как а) инференциальный (семиоимплицативный) характер интеръективов; б) диафоричность интеръективов, т.е. кореферентная связь с предыдущими и последующими элементами высказывания и диалогического дискурса; в) дополнительная сочетаемость с другими междометными единицами и другими модусными элементами высказывания и диалогического дискурса; г) грамматичность интеръективов, которая определяется их системными функциями в семантико-синтаксической организации интеракционального дискурса. Теоретической значимостью обладает выводимое понятие прагма-семантической конверсии языкового знака как механизма взаимодействия когнитивного (дескриптивного) и коммуникативного (интеракционального) аспектов языка. Теоретически обосновано применение понятия субъект-объектных и субъект-субъектных интеракциональных функций для комплексного описания междометных элементов в языке.

Методологическая обоснованность объяснения феномена интеръективов обеспечивается обращением к семиотическим механизмам образования и функционирования этого лексико-грамматического класса, выявлением универсальных свойств рассматриваемых элементов и их вариативности в конкретном исследуемом языке, включением лингвопрагматики в общесемиотический метод [Степанов 2001], соединяющий структурные (морфосинтактика), семантические и функциональные свойства знака как элемента системы. Как отмечает Н.Н. Болдырев, при функционально-семиологическом подходе язык выступает как единый объект — язык-речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и динамического, системного и функционального (деятельностного) [Болдырев 2001].

В соответствии с указанной методологией сформировался **функционально-семиотический метод** исследования материала, который включил ряд частных лингвистических методов, таких как дистрибутивный, оппозитивный, генеративный (диахронический), интерпретационно-имплицативный и др.

Достоверность наблюдения определяется в случае интеръективов исследованием свойств той особой среды их существования, которую можно назвать динамическим срезом высказывания, когда высказывание есть не что иное, как узел отношений (*nœud de relations*) [Дюбуа, 1986].

Системность описания интеръективов основывается на методологии интеракциональной лингвопрагматики [Kerbrat-Orecchioni 2000; 2005], в ос-

нове которой лежит теория речевых актов [Searle 1972; Vanderveken 1992], «театральная» концепция Э. Гофмана [Goffman 1981; 1987], постулаты успешной коммуникации [Грайс 1985; Gordon, Lakoff 1973; Grice 1979], когнитивные подходы к речевой интеракции [Шпербер, Уилсон 1988; Sperber, Wilson 1989; Wilson, Sperber 1990] и другие теоретические построения, рассматривающие коммуникативную и интеракционную ипостаси языка [Vion 2000]. В этой перспективе, как указывает О. Дюкро, «междометие не может более рассматриваться как маргинальный или малозначительный феномен. Оно приобретает центральное положение: это один из главных маркеров речевого взаимодействия» [Ducrot 1980].

Материалом исследования послужили разнообразные источники: в первую очередь корпусная база данных, созданная в рамках разработки интеракционных аспектов речи на кафедре французского языка Пятигорского государственного лингвистического университета [Алферов 2001б; Кустова 1997; Айрапетов 2006; Одинцова 2005; Попова 2004; Тамразов 2006; Шамугия 2006 и др.], включающая литературные тексты, записи аутентичных речевых интеракций и данные полевых исследований, проведенных во Франции в 1984-1986, 1992 гг. и лично автором - в 1993-1995 гг., записи ТВ и радиопередач [FERTF], «малые литературные формы»: песни, детский фольклор, анекдоты, комиксы и т.п. Использовались различные корпуса, представляющие аутентичное речевое взаимодействие [ANJO1985-1987; CLAPI 2008-2009; CREDIF 1965; EFF 1966; Ralph 1988 и др.], иллюстративный материал исследований речевой интеракции [André-Larochebouvy 1984; Cosnier, Kerbrat-Orecchioni 1987; Kraïmer 1991 и др.] и лексикографический материал [СРЛФЯ 1987; Rudder 1998; Treppe 1994 и др.], интернет-ресурсы [ANCRO 2006-2009] и др.

Практическая значимость определяется тем, что материал и результаты анализа можно использовать в дальнейшем исследовании синсемантических систем французского языка, закономерностей организации речевого эмоционального общения в малых группах, а также при разработке курсов по теоретической грамматике французского языка, лексикологии, сопоставительной типологии французского языка, коммуникативной грамматике. Разрабатываемые в диссертации подходы к анализу речевого взаимодействия могут быть использованы в работах аспирантов, в подготовке магистерских диссертаций и квалификационных работ студентов. Многие материалы исследования нашли применение в практике преподавания французского языка, в теоретических курсах социолингвистики, психолингвистики и теоретической фонетики французского языка на факультете французского и английского языков Пятигорского государственного лингвистического университета.

Апробация диссертации. Основные положения и научные результаты исследования прошли апробацию на международных и всероссийских научных конференциях в Саратове (1999, 2008), в Минске (2002), в Ростове-на-Дону (2005, 2006, 2007, 2008), в Пятигорском государственном лингвистическом университете (2004, 2007, 2008, 2009), в Воронежском государственном

университете (2009), на научно-практических конференциях ПГЛУ и научных семинарах кафедр французской филологии и французского языка Пятигорского государственного лингвистического университета. Диссертация была обсуждена на заседаниях кафедры общего и сравнительного языкознания и кафедры французского языка Пятигорского государственного лингвистического университета. Результаты исследования отражены также в 44 публикациях, в монографии "Интеракциональная теория междометия (на материале французского языка)" (Пятигорск, 2009) и двух учебных пособиях (Пятигорск, 2007, 2008) – общим объемом около 50 п.л.

Поставленные цели и задачи определили **структуру** и **объем диссертации**, состоящей из Введения, пяти глав, Заключения и Приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В 1-й главе "**Основные принципы лексико-грамматической классификации междометий**" рассматриваются традиционные критерии классификации междометий, в частности, исторический аспект исследования интеръективов в античной и западно-европейской традициях; современная лексикографическая и грамматическая кодификация французских интеръективов; проводится анализ морфосинтаксического и лексико-семантического критериев в сопоставлении концепций исследователей междометий французского и русского языков.

Как правило, исследователи ограничивались констатацией интегральных и отличительных черт, строго не определяя номенклатуру единиц, называемых ими «междометиями», или «интеръективами» (interjections). При этом, под междометиями подразумевался часто неопределенно многочисленный разряд языковых явлений, например, любое восклицание [Bechade 1986; Renaud 1969; Sauvageot 1957; Ullmann 1952]. Различные точки зрения, представленные в исследованиях, могут быть отнесены к одному из следующих альтернативных положений:

1) междометия либо не признаются словами и рассматриваются как рефлекторные выкрики, звуки, родственные крикам животных, либо признаются словами и, значит, относятся к языковым явлениям;

2) с признанием междометий частью членораздельной речи ставится вопрос о рассмотрении их:

а) в морфологии:

- в качестве морфолексической единицы и самостоятельной части речи;

- в составе морфосинтаксической части речи ("слова-предложения", или "слова-фразы");

- на стыке различных частей речи;

б) в синтаксисе - междометия относят к заместителям предложения или нескольких предложений.

Предлагаемое в нашей работе логическое исчисление и описание возможных подходов к исследованию междометия основано на идее логического детерминизма в теоретической лингвистике, высказанной В.Г.Гаком: *количество теоретических интерпретаций пропорционально количеству наиболее релевантных признаков объекта в рамках определенной системы* [Гак 1998]. Поэтому в целом теория интеръективной системы языка должна отражать: 1) прототипичность интеръективов; 2) структуру и связи; 3) значение (семантику); 4) механизмы образования; 5) их семиотическую природу и 6) функциональную значимость интеръективов.

Соответственно, можно выделить **шесть** возможных критериев характеристики междометия как части речи:

- прототипический,
- морфосинтаксический,
- лексико-семантический,
- семиотический,
- деривационный и
- функционально-интеракционный.

Вопрос о принадлежности интеръективов к системе языка связан с разработкой теорий о происхождении и развитии языка и границах слова (междометная и звукоподражательная теории – Х. Штейнталь, А.А. Потебня и др.). Междометная теория отождествляет интеръективы с произвольным выкриком - рефлексом. Звукоподражательная теория основывается на предположении о том, что первые слова были звукоизображениями, и тесно связана со звукоизобразительными теориями [Германович 1966; Воронин 1982; Михалёв 1995; Шляхова 2006].

Генезис речевого общения сводился этими теориями к потребности человека имитировать природные шумы.

Биологические теории наложили определенный отпечаток на дальнейшее изучение междометий, в частности, многие исследования относят их к явлениям внеязыковым (Ф. Брюно), признакам примитивного состояния языка (Л.Теньер, Ж. Дамурет и Э.Пишон).

Не раз высказывались мнения о ключевой роли ономотопеического междометия на примитивной стадии языка [см. Вельмезова 2005; Николаева 2000; Щерба 2001; Chevalier, Blanche-Benveniste et al. 1964; Grevisse 1969; Velmezova 2008] и др. Для многих ученых междометия в историческом плане – это «диффузные» формы «пре-человеческой» (*pré-humaine*), «прото-человеческой» (*proto-humaine*) коммуникации [Martinet 1985], рудиментарные и далекие от частеречной грамматической системы [Gougenheim 1970].

Семантический синкретизм и функциональная поливалентность первичных универсальных междометий [o], [a], [e] и др. едва ли ограничивается набором отмеченных в национальных словарях «значений». В речи их спо-

способность к функциональной многозначности и энантиосемии возрастает многократно и требует экспликации метаязыковыми дескрипторами *hic et nunc*:

[1] « César, grave. - Ecoutez-moi bien. Il y a une question que je veux vous poser. Et une question très grave. Est-ce que vraiment je suis coléreux?

Le docteur. - Hum...

César. - Quoi, hum?

Le docteur. - Hum... je fais: hum...» (Pagnol).

Фонетическое развитие лингвистической компетенции в онто- и филогенезе шло от вокальной диффузности к фонетической и фоносимволической мотивированности.

Как отмечает Р. Якобсон, ссылаясь на исследование Бюффона, формирование фонетико-артикуляционной компетенции в онтогенезе, происходит по мере усложнения артикуляции [a] → [e] → [i] → [o] → [u]. Первыми согласными становятся [b] → [m] → [p], и первыми «словами» ребенка становятся различные сочетания этих звуков.

Таким образом, фонетическое развитие лингвистической компетенции в онто- и филогенезе шло от вокальной диффузности к фонетической и фоносимволической мотивированности.

Отсюда следует, что функциональная поливалентность (многозначность) и диффузность первичных междометий прямо пропорциональна их монофонетизму (моновокальности и моноконсонантности) и обратно пропорциональна их полифонетизму, что практически подтверждается проведенным нами анализом языкового материала (O! → Oops! → Ouste!/ Ah! → Ha! → Na! → Aïe! → Ahé! → Ahi!, etc. [ср. Demonet 1998]).

К поливокальности (дифтонгизации) примыкает редупликация как традиционный аналитический способ функциональной дифференциации: A! → Aha! / Hé! → Héhé!, etc. Ср. Ай! (боль) и Ай-ай-ай! (упрек) [ср. Граф 2007; Матасова 2006].

Прототипический критерий отнесения тех или иных форм к интеръективам выдвигает на первый план не только нерасчлененность, диффузность и синкретизм формы и содержания, но и фонетико-просодические качества, позволяющие междометиям выполнять свойственные им экспрессивные функции: прототипический консонантизм и напряженность (протяжная смычность ядерных (наиболее частотных) фонем [m], [n], [b], [p]), вокальность и долгота ядерных [a], [e], [o], [u], интонационная экспрессивная энергетика [Потапова 2003], аффективное ударение, восклицательность, краткость (фонетический состав интеръективов, входящих в ядро исследуемого функционального класса, варьируется от одного до трех фонетических слогов) [Кустова 1997; 2004; 2007; Martin-Baltars 1977].

Ингерентными свойствами интеръективов являются их просодическая вариативность и фонетическая идиосинкразийность (наличие экспрессивных фоноэлементов, нерелевантных для фонологической системы данного языка, не подчиняющихся фонетическим законам и т.д.) [Гак 2000; Соколова 1983; Damourette et Pichon 1968-1971; Martinet, Walter 1973].

Прототипичность интеръективов проявляется на глоттогенетическом, фоносемантическом и фонопросодическом уровнях анализа и выявляет следующие ингерентные признаки интеръективности:

— omnисемантичность, т.е. приобретение значение *ad hoc* (по случаю) является характерологической чертой интеръективов: «*Ah! Chouette! T'a'r ta gueule à la récré!*» [EFF] – где первичный интеръектив *Ah!* и производный *Chouette!* сопровождает речеповеденческий стереотип угрозы (= *Tu vas voir ta gueule à la récréation*). Т.е. положительная оценка, заложенная в семантику языкового знака, превращается в отрицательное прагматическое значение *hic et nunc*. Происходит семантико-прагматическая конверсия значения и актуальной значимости единицы в речи. Будучи ингерентным признаком первичных междометий, энантиосемичность характерна для многих интеръективных дериватов, таких как *Tu parles!*, *Bien!*, *Mince alors!* и др. [Алферов 1990], и, очевидно, это явление можно рассматривать как языковую универсалию [Алференко 1999].

Прототипический критерий подчеркивает близость интеръективов к жесту: закрепление восприятия объекта на ранних стадиях развития человека осуществляется прежде всего в гаптическом (мышечном) коде, в мимике и жесте, экстерииорирующем, эксплицирующем психические процессы.

Звукоподражательные и звукосимволические интеръективные формы, синестетически отображающие восприятие объекта на довербальном уровне, симптоматические возгласы страха, боли, сигналы об опасности — суть производные функции правополушарного отражения действительности, осуществляющие холистско-симультанную программу переработки информации.

Интеръективные формы, имеющие звукоизобразительный (ономатопеический), звукосимволический и эмоционально-симптоматический характер, объединяются на общей основе своей прототипической когнитивной интеракциональной природы, *междометия и звукоподражания входят в один онтологический и функциональный класс интеръективных интеракционально-эмотивных форм, или интеръективов* того или иного языка.

Отличие интеръективных единиц языка от произвольных криков заключается в конвенциональности, в закреплённости в речевой традиции, отраженной в системе языка, в их соотнесенности с определенным мысленным содержанием, с типом ситуации и типичной каузально-интенциональной (от мира к человеку и от человека к миру) реакцией говорящего на данную ситуацию. Прототипические интеръективные синкретические номинации становятся первыми словами формирующегося языка. Происходит закрепление эмоционально-интенциональной связи звука с определенным когнитивно-референциальным объектом (ситуацией), образуется означающее и означаемое, появляется интеръективное слово.

Проведенное нами экспериментальное исследование детской речи (1993-1995) и аналогичные исследования французских ученых [см., напр., Rézeau 2006; Rolland 2002] подтверждают ритуальный характер междометных форм в детских считалочках и играх. Их функция — ритмизация, ритуализация прототипической людической деятельности. Таковы следующие

щие интеръективные формы (ИФ): « Ban ban! qui est mort à Landévan? C'est la femme à l'intendant qui s'est accouchée d'un bel enfant. Ban ban!» [Rolland, 2002]; Je fais de la bouillie / Pour mes petits cochons / Pour un, pour deux, / Pour trois, pour quatre / Pour cinq, pour six / Pour sept, pour huit / Pour neuf / bœuf! [Rézeau, 2006] «Une pomme / Deus (*sic!*) pommes / Trois pommes / Bouf!» [Idem], etc. Список можно продолжить такими ИФ, как pan!, plon!, plou!, plouf!, ploum!, pouf-pouf!, trou!, etc.

Правополушарные формы отражения действительности свойственны и современному человеку. Количество интеръективных единиц (в том числе и омнисемантической инвективной номинации) в индивидуальном речевом узусе может служить показателем интеллектуального и культурного уровня: человек с бедным словарем и плохими навыками словесного выражения заменяет недостающее ему слово жестом, мимическими средствами, стремится максимально использовать наличные элементы данной ситуации, помогающие раскрыть то, что он хочет сообщить [Горелов 2003].

Восприятие предметов окружающей действительности обеспечивается *взаимодействием* между рецепторным аппаратом человека и внешним предметом. Лишь активность человека позволяет извлекать информацию об окружающем мире, и она же связывает предметы определенными пространственными, временными и каузальными отношениями. Предметная соотнесенность обеспечивается многократным сопоставлением следов памяти с воздействием физических свойств объекта. Установление устойчивой, привычной психической связи с объектом предметной соотнесенности — суть самого феномена психики. Отражение действительности имеет субъективно-объективную природу и рождается не в голове человека и не в вещах природы, а *между* ними [Langacker 1987; 1991]. Встреча информации, идущей изнутри, и информации, идущей извне, есть не что иное, как *оживление* прошлого опыта, актуализация следов уже имевшихся в прошлом взаимодействий субъекта перцептивного поведения с объектом перцепции [Режабек 2003].

Другими словами, человек взаимодействует с познаваемым миром, вступает с ним в *субъект-объектную интеракцию*, психически отображающую те или иные свойства объекта. Так, концепция языковых игр Я. Хинтикки делает акцент на взаимодействии между "Я" и реальностью как двумя игроками в игре [Хинтикка 1981; 1996].

Превращение доязыковой, прототипической речи в язык можно представить как процесс перехода мотивированных иконических форм в конвенциональные, демотивированные в синхронии, стереотипные употребления, закрепляющиеся в языке в виде слов и развивающиеся по законам языка. Динамика взаимодействия условности (конвенциональности) и изобразительности варьируется от знака к знаку и от языка к языку. Так, морфологизм русского языка легко превращает звукоизобразительные элементы и первообразные междометия в существительные, глаголы, наречия, прилагательные: «ахи», «ахать», «ахово», «аховое» и т.д. Аналитизм французского языка значительно ограничивает словообразовательные парадигмы звукоизобрази-

тельной лексики, сохраняя при этом прототипичность исходной междометной формы: «faire fi», «sans dire ouf», etc.

Сопоставление морфосинтаксических характеристик русского и французского междометия позволяет определить типологические черты междометий русского языка, отличающие их от французских интеръективов, и наоборот. Как правило, в русской грамматике выделяются «четыре синтаксические позиции междометий по отношению к пропозиции: 1) в качестве независимого слова: Ах, опять эта женщина; Ох, как я устал!; 2) в качестве усиливающего элемента, сливающегося со сказуемым, главным членом или другим словом в предложении: Эх и весело! Ай как нехорошо! Мальчик он ух какой способный; 3) в качестве компонента схемы: Ай да жена! Ох уж эти сказочки!; 4) глагольные междометия в качестве элементов контекстуально обусловленных в несвободной позиции перед сказуемым или главным членом односоставного предложения, нераспространенным или распространенным: Никто его не ждал, а он - хлоп - и явился! Думал, думал, а потом - глядь и придумал!» [Грамматика 1970].

Первая, частично вторая и частично четвертая позиции имеют интеръективные корреляты во французском предложении:

1) — эквивалентные: [2] **Oh!** Qu'est-ce qu'il est beau!; **Oh!** Qu'est-ce que j'suis crevé!

2) — аппроксимативные: [3] **Eh!** C'est vraiment pas bien! [CREDIF]; [4] **Eh, oh, pousse pas, hein!** [EFF];

3) — Ø² (Ср. разг. [5] «Pi, **bonjour la culture**, il est 'achment balaise: T'as qu'à voir ses lectures, ça casse des barreaux d' Chase » (R. Séchan); [6] « On n'a fait que nous mentir ... les Russes n'ont pas d'armée, les Russes n'ont pas de généraux, les Russes n'ont pas de matériel, **et patati et patata...** » (E. Triolet); [7] «J'aimerais bien entendre ce qu'elle dit de moi, C'est sûrement très tendre, **enfin bon**, j'entends pas» (R. Séchan)).

Третья позиция — аффективная компонента синтаксической схемы — характерна для синтаксиса русской разговорной речи и принадлежит к экспрессивно-коммуникативным модификациям предложения [Золотова 2001], что соответствует в разговорном французском языке «экспрессивно-компрессивным синтаксическим моделям» [Репина, Сабанеева и др. 1992], в которых употребляются, как правило, неинтеръективные средства: неопределенный артикль (C'est *d'une* audace!), указательные детерминативы (c'était une *de ces* questions) и др. [Там же]. Приведенные выше примеры [5-7] из нашего корпуса свидетельствуют о «синтаксической функции» французских интеръективных фразем во французском разговорном языке. Но их функции реализуются не в рамках синтаксической схемы предложения, а на дискурсивно-коммуникативном уровне: функция маркера рематической метаречевой номинации предметного содержания разговора в [5], функция аргументативного квантификатора-маркера сентенциальной незавершенности в [6] и функция деонтологического маркера сентенциальной незавершенности, связанного с реализацией «максимы такта» (П. Грайс и др.) в [7].

4) — аппроксимативные:

[8] «Encore un effort *et toc!* on a enfoncé la porte ».

Таким образом, для русских междометий характерологическими чертами являются: 1) синтаксическая функция образования интеръективных устойчивых (фразеологизированных) синтаксических схем в составе предложения; 2) морфологизация звукоизобразительных форм, приобретающих значение глагольного сказуемого.

Типологически релевантной синтаксической чертой французского междометия является употребление его в качестве определяющего члена с валентностью на дополнение: *Gare à vous!* (досл. «Берегись!» вам!, т.е. Берегись!/ Берегите себя! / ср. «Тьфу на вас!»); *Foin du loup!* («Проклятье!», «Чтоб тебя!» - ср.: «Au fait, vous avez raison, dit-il, **foin de** tous ceux qui nous empêchent d'entrer à Paris» (A. Dumas, *Les Quarante-cinq*). / И впрямь, ваша правда, - сказал собеседник Брике, - *провались все они*, кто не пускает нас в Париж» [Гак, Мурадова 2005]); *Chiche que je saute!* («Спорим, что прыгну!»). Такая синтаксическая функция не характерна для междометий русского языка.

На основе данной синтаксической модели во французском языке строятся сложные инвективные и эксплетивные интеръективы:

[9] «*Putain de bordel à cul de pompe à merde! où j'ai encore foutu cette saloperie de carte bleue?!*» [<http://fr.answers.yahoo.com/question/>] (ср. русск. 'трехэтажный' мат «в Бога, в душу, в мать!»), а также интеръективно-адъективные инвективы: [10] «*Et maintenant, veuillez éteindre vos cigarettes et attacher vos ceintures car le commandant de bord va essayer de faire décoller cette satanée pourriture de putain de saloperie d'appareil...*» (H. Nègre).

В рассмотренных характерологических сопоставлениях проявляются общие типологические тенденции французского анализма (предложное управление) и русского синтетизма (морфонологические трансформации) [см. Гак, 1988; 1989].

Существующие лексико-грамматические описания междометий показывают определенную ограниченность критериев выделения семантических признаков (референция к эмоциям) и синтаксических функций интеръективов. Их интеракциональная природа и функциональная значимость в системе язык-речь остаются не выявленными. Объем этой лексико-грамматической категории и критерии её системно-функционального описания варьируются от источника к источнику и не имеют адекватной объяснительной базы.

Словарные дефиниции многих интеръективных вокабул и соответствующие трактовки в грамматических источниках отличаются дескриптивностью и далеки от представления функциональной значимости интеръективов в системе языка и речи.

Так, наиболее авторитетные французские словари Малый Робер [PR, 1986] и «Тезаурус французского языка» [TLF, 1971-1978 / TLFi] указывают на следующие значения междометия "Ah/Aha":

1) выражает сильные чувства (*mouvements affectifs très vifs*) — возмущение, удовольствие, боль, восхищение, нетерпение и т.д.): *Ah! quel adorable visage!*;

2) передает усиление (*sert souvent qu'à donner un tour plus énergique à la phrase*), эмфазу, вводит новую информацию : *Ah! J'y pense, pouvez-vous venir demain?; Ah! tu veux plaisanter encore, dit-elle; Ah! je comprends tout maintenant.*;

3) удвоенное *Ah* выражает удивление, задумчивость, иронию, удовлетворение: *Aha! vous êtes marié! – Moi? Ah! non, alors!; Ah! ah! C'est ennuyeux.*;

4) передает смех: *Ah! ah! Elle est bonne!*;

5) входит в состав восклицательных оборотов: *Ah ça! Ah mais! Ah bien oui! Ah bon! Ah bah!* (выражает беззаботность); *Ah mon Dieu ou ah Dieu* (испуг, скорбь) *Ah non, ah oui* (усиливает отрицание и утверждение) и т.д.

Приводимая совокупность значений одного из самых частотных (ядерных) междометий показывает методологическую эклектичность и расплывчатость критериев выделения его семантических признаков (референция к эмоциям) и синтаксических функций.

Количество интеръективных единиц и их классификация варьируются от источника к источнику.

Так, Малый Робер обнаруживает 184 статьи с пометой *interjection*, которые включают следующие типологические разряды:

– интеръективы-ономатопеи (*onomatopées*): *Ah! Aïe!; Bah!; Brr!; Hein!*;

– интеръективы-восклицания (*exclamations*): *Bravo!, Chiche!, Chut!, Gare!, Halte!*;

– интеръективы-крики (*cris*): *Bis!, Dia!, Youpi!*;

– интеръективы-маркеры (*marques*): *Heu!, Heu!*;

– интеръективы-формулы (*formules*): *Adieu!, Bonjour!*;

– интеръективы-проклятья (*jurons*): *Diantre!, Ventrebleu!*;

– интеръективы-слова (*mots*): *Amen!*

Современные дескриптивные грамматики французского языка [Grevisse 1969; 1982; Grevisse, Goose 1980] сосредотачиваются на синтактико-функциональных характеристиках междометия, определяя его как неизменяемую лексико-синтаксическую форму — «слово-фраза» (*mot-phrase*), — выступающую в роли предложения: *Merci. — Bonjour. — Bravo! — Zut!, etc.*

Отдельно выделяется разряд «фразовых сращений» (*locution-phrase*), характеризующихся определенной степенью фразеологизации (*une suite de mots qui constitue une phrase, sans que le locuteur puisse attribuer une fonction à chacun de ces mots pris séparément*): *Au revoir. A la bonne heure!*

К ним примыкают окказиональные слова-фразы и фразовые сращения: *Attention ! — S'il vous plaît.*

Отмечается их способность становиться членом предложения с валентностью на дополнение: *Bravo pour votre réussite! Merci de votre aide. Gare aux coups! Merci beaucoup*; или с обособлением: *Bonjour, Madame*; и парентетическим употреблением: *Cette histoire, qui est hélas! celle de tant d'autres. (Courte-line).*

С функциональных позиций выделяются три основных типа слов-фраз:

I. К первому относятся *объективные слова-фразы* (*mots-phrases objectifs*), ориентированные на собеседника либо для установления контакта (*allô*), ли-

бо для передачи согласия (*oui*), отрицания (*non*), приветствия (*bonjour*), приказа (*stop*), поздравления (*bravo*), etc.

Основными словами-фразами такого типа признаются: *Adieu!*, *Amen!*, *Allô*, *Bis* [bis], *Bonjour*, *Bonsoir*, *Bravo!*, *Chiche!*, *Chut!*, *Gare!*, *Halte!*, *Hello!*, *Hep!*, *Hosanna!*, *Hourra!*, *Merci*, *Motus* [motys], *Nenni*, *Non*, *O.K.* [оке], *Oui*, *Ouste!*, *Pouce!*, *Psstt!*, *Si*, *Soit* [swat], *S.O.S.* [esoës], *Stop! Vivat!* [viva].

В этом открытом списке бросаются в глаза оставшееся за рамками описания различия в фоно-графической оформленности (наличие/отсутствие восклицания и фоновариантов), недифференцированность функциональной принадлежности (команды, этикетные формулы вежливости, согласия/ несогласия, ритуальные сакральные формулы и т.д.), неотмеченные грамматическая значимость (варианты *Si/ Oui*) и степень узуальности (*Non* и устаревшее *Nenni*).

К основным объективным словам-фразам примыкают формулы речи (*locutions*): *A la bonne heure!*; *A quoi bon?*; *Au revoir*; *Mea culpa*; *Mon œil!* (*populaire*); *Si fait*; *Tant mieux*; *Tant pis*; etc.

Гревисс и Гуз в эту категорию включают слова и выражения, определяемые обычно как фразовые наречия (*adverbes de phrase*): *Certes*, *peut-être*, *sans doute*, *à coup sûr*, *bien sûr*, etc., подчеркивая их парентетичность и возможность самостоятельного употребления: *Une panne de lumière de bord, ça peut être grave! — Bien sûr.* (*Saint-Exupéry*).

Фразовые наречия обладают также способностью подчинять придаточные предложения: *Peut-être que le pharmacien s'était trompé* (*Flaubert*).

II. Второй функциональный тип — *субъективные слова-фразы* (*mots-phrases subjectifs*), формирующие разряд собственно интеръективов (*interjection*). Они выражают произвольные ощущения или чувства (грусть, радость и т.д.). Они не обращены к собеседнику («*L'interlocuteur joue ici un rôle négligeable*») и «эквивалентны восклицательным предложениям».

Основными словами-фразами такого типа являются: *Ah!*; *Aïe!*; *Bah!*; *Brr!*; *Chic!*; *Fi!*; *Flûte!*; *Hé!*; *Hein!*; *Hélas!*; *Miam-miam!*; *Mince!*; *Na!*; *Oh!*; *Ouf!*; *Ouille!*; *Peuh!*; *Pouah!*; *Zut!*, etc.

К ним примыкают выражения типа: *Bon sang!*; *Par exemple!*, а также эксплетивы: *Dame ! Pardi* (производное от *par Dieu*!); *Tonnerre!*; *Nom d'un chien!*, etc.

При этом не исключен переход из класса I в класс II и обратно.

III. К третьей категории относятся так называемые *суггестивные слова-фразы* (*mot-phrase suggestif*), передающие имитацию шума, иногда — движения, «широко используемые в комиксах»: «*Je me trouve sur moi (...) un scélérat de pistolet chargé. Paf!...*» (*G. Sand.*) (= *Je tire*) [*Grevisse, Goose, 1980*].

В грамматике *Dubois J., Jouannon G., Lagane R. (1973)* междометие (*interjection*) характеризуется как неизменяемое слово, «выражающее эмоцию, приказ или шум»: *Oh! le magnifique tableau*; *Hé! vous, là-bas, approchez!*; *Et patatras! le voilà à terre*; *Bravo! il a réussi*.

Отмечается, что «междометие не связано с остальными членами предложения и не имеет грамматических функций. Сопровождается восклицательным знаком».

Далее следуют классификации междометий по двум критериям — структурному и функциональному, например:

— **простые междометия**, которые выражают:

удивление -	ah!	призыв -	eh!	просьба -	hein!
боль -	aïe!	призыв	chut!	сожаление-	hélas!
		к тишине -			
сомнение -	bah!	призыв -	hé!ho!	колебания -	heu!
безразличие-	baste!	презрение -	fi!	удивление -	oh!
одобрение -	bravo!	предупрежде-		отвращение-	pouah!
		ние	gare!		

Окказионально междометием становятся другие части речи (существительные, глаголы и т.д.): *alerte!* (предупреждение); *allons!* (утешение); *ciel!* (ужас); *courage!* (ободрение); *diable!* (удивление); *halte!* (приказ); *miséricorde!* (испуг); *silence!* (приказ) и т.д.

— **сложные междометия**, или междометные обороты, состоят из нескольких слов: *eh bien!* (просьба); *tout beau!* (успокаивание); *en avant!* (ободрение); *juste ciel! mon Dieu!* (удивление); *fi donc!* (презрение) и т.д.

Завершают классификацию ономастопеи, передающие «некоторые шумы»: *pan! vlan!, clic!, clac!, patatras!, pif!, paf!, cric!, crac!, bang!*

Формулы приветствия также относятся к междометиям: *bonsoir, au revoir, adieu* [Dubois, Jouannon, Lagane, 1973].

Таким образом, представленные в современных словарях и грамматиках номенклатуры междометий и их системно-функциональные характеристики свидетельствуют о том, что объем этой лексико-грамматической категории и критерии её системно-функционального описания варьируются от источника к источнику и не имеют адекватной объяснительной базы. Остаются за рамками исследований особенности функциональной значимости междометий в речи — непосредственная соотнесенность с *моментом произнесения*, обусловленного коммуникативной ситуацией и задачами организации речевого взаимодействия. Данные функциональные особенности интеръективов определяются прежде всего их особой семиотической природой.

Сопоставляя парадигму средств выражения семантического поля «страдание» (*souffrance*), Ж. Пьош отмечает градуальный характер концептуализации данной эмоции (эмоционального состояния) [Pioche 1997], который можно представить в виде следующей шкалы:

souffrance → *douleur* → *avoir mal* (j'ai mal) → *aïe!* (*ouille!*)

страдание → боль → больно (мне больно) → *ай!* (*уй!/ой!*).

Элементы данной шкалы расположены по степени абстрактности (рациональности) и семантической дискретности от наиболее полного, концептуального понятия к наиболее синкретическому способу отражения (манифестации) данного концепта в речи. Как отмечает Пьош, «медики могут провести конференцию по боли, но не по 'ай!' или 'мне больно'».

Диффузность семантической структуры интеръективов и нерасчлененность отображаемой в них ситуации (не вычленены субстантивные, процессные, качественные, реляционные элементы ситуации) приводит к трактовке междометия как «ситуативно – нерасчлененной номинации».

К интеръективным словам применимо понятие размытой семантики при отсутствии четкого семантического ядра, четких ингерентных сем и при наличии ряда афферентных сем – наводимых, контекстуальных, импликационных (выводных), связанных с интерпретантой интеръективного знака в каждом конкретном употреблении. Семантическая особенность междометий заключена в семиоимпликационной природе интеръективного знака: его семантика не является собственной принадлежностью знака как такового с закрепленным за ним и воспроизводимым значением, она не вытекает из знания самого языка, а усваивается из знания мира и знаковой деятельности людей, не из знаковых, а импликационных связей речевых фактов.

Семантической структуре интеръективов свойственны следующие характеристики (ср. [Шаховский 2008]):

- синкретизм логико-понятийного и эмоционально-оценочного компонентов значения (интенционала и экстенционала);
- преобладание импликационно-ценностного компонента значения (импликационала);
- наличие сенсорно-перцептивного компонента значения, связывающего форму знака с его функцией (мотивированность).

Большинство исследователей французских интеръективов делят междометия на три группы: эмоциональные междометия (или возгласы), побудительные и звукоподражательные.

Функционально-семантический критерий классифицирует междометия а) по направленности интенции от субъекта к миру, от субъекта к субъекту и от субъекта к самому себе (рефлексия); б) по способу отражения – «чувства–воля–разум»; в) по функционально-стилистическому диапазону (А. Вежбицка и др.).

Семиологическая и семантическая особенность междометий заключена в семиоимпликационной природе интеръективного знака. К выделенным В.М. Никитиным логико-понятийному (интенционал), эмоционально-оценочному (экстенционал) и импликационно-ценностному (импликационал) компонентам можно, вслед за О.А. Корниловым, добавить четвертый — сенсорно-рецептивный компонент значения (ср. [Корнилов 1999]), отвечающий за адекватность материальной оболочки (тела) знака его семиотической функции. Последний компонент позволяет включить в функциональную значимость интеръективов (ономатопеи) звукосимволическую и экспрессивно-регулятивную функции.

Во 2-й главе "**Семиология интеръективов. Семантико-прагматическая конверсия языкового знака**" проводится анализ семиотической природы интеръективов, обосновывается их семиоимплективный характер, выделяются интеръективные семиологические формы и стадии прагмасемантической конверсии интеръективного языкового знака.

Ч.С. Пирс выделяет три «фанероскопические» (феноменологические) категории знака, коррелирующие со степенью устойчивости референтной связи между репрезентативом и объектом, т.е. степенью релевантности семиозиса: Первичность, Вторичность и Третичность. В нашем представлении и в приложении к глоттогенетической перспективе нашей теории междометий эти три категории коррелируют с употреблением, узусом и нормой языкового знака [Гак 1998]. В преломлении к анализу интеръективного семиозиса это может выглядеть так: на первом этапе (Первичность) в определенных исторических условиях (ситуации) определенному репрезентативу (*Ууу!//Оиои!*) было приписано определенное содержание (вой волка) на основе определенной интерпретанты (сходство звучания + опыт «общения» с волками). Постепенно такая интерпретация получает распространение и семантическая связь между репрезентативом *Ууу!* и объектом 'волк' становится достаточно популярной (модной), т.е. узуальной (Вторичность). На третьем этапе происходит окончательное закрепление референтной связи, которая превращается в устойчивую референцию между звуком и денотатом, что закрепляется в системе (норме) языка (Третичность) и дает в результате фонетических преобразований и системной эволюции лексему лат. *lupus* и фр. *loup* (ср. *вой* → *волк*). Поэтому знак проходит эти три стадии семиозиса (или существует на какой-либо из них) в виде квалисигнума (при-знака), синсингнума (сингулярного, единичного употребления) или легисигнума («закона», нормы, конвенции).

Вторая трихотомия Пирса — три измерения знака. Знак может быть рассмотрен: а) с точки зрения формы и ее составляющих (репрезентатив внутри себя) — это синтактика знака; б) с точки зрения содержания (объекта) — семантика знака; в) с точки зрения «внутренней формы», способа представления объекта в знаке (интерпретанты) — прагматика знака.

Наложение этих трех метакатегорий на семиотическое пространство дает Пирсу возможность выделить девять базовых категорий семиозиса, которые можно представить в парадигматической и синтагматической проекциях:

	синтактика	семантика	прагматика
	<i>Знак как форма «репрезентатив»</i>	<i>Знак как отражение объекта</i>	<i>Знак как функция</i>
первичность	Квалисигнум	Икона	Рема
вторичность	Синсингнум	Индекс	Дицисигнум
третичность	Легисигнум	Символ	Аргумент

Звуковой квалисигнум ведет на стадии Первичности к отношению иконичности (изоморфизма) с объектом, которым являются либо «звуки вещей» (природы): *boum!*, *brr!*, *crac!*, *flop!* *paf!*, *splash!*, либо «звуки живота» (anima): *cocorico!*, *meuh!*, *miaou!*, *Ah!*, *Ouf!* *Aïe!*, *Hih!*, либо синестетическое (также

иконическое) представление о действии, событии, артефакте: *toc, vlan, oops, tagada, ploum, tic tac, tac tac tac* и т.д. [ср. Kleiber 2006].

Такой семиогенетический статус объединяет ономатопои и междометия в один семиотический класс, и осознание этого единства проявляется в обыденной речевой практике, прибегающей к метаязыковой номинации действия - *faire* (делать – ср. [Рылов 2006]) «*La pierre fait « Plouf! » en tombant dans l'eau — Pierre fait « АїЕ! » en se tapant sur les doigts* [Kleiber 2006].

Квалисигнум создает Рему — новое, главное, отличающееся от общего когнитивного фона. Так на уровне Первичности зарождающийся интеръективный знак существует как квалисигнум иконический рематический.

Вторичность ведет от единичности употребления — синсигнума — к закреплению этого употребления в узусе. Такое закрепление уже не может удержаться на уровне элементарного изоморфизма — начинается процесс логических действий, импликаций: «если... то», «нет дыма без огня» и т.д.

С развитием рефлексии, потребности в семиозисе и коммуникации человек восходит к знаку-индексу (указательность, ситуативность), когда употребление знака приобретает причинно-следственную связь. Звукоизобразительная (иконическая) дескрипция превращается в указание на внешние свойства объекта или на внутренние состояния субъекта (эмотивность). Звукоупотребление из наивной «пробы пера», прототипического присвоения звуковой формы (звукоподражания) или произвольного рефлекторного крика (междометия), превращается в указание на первопричину ('ку-ку' — там птица, 'ой' — здесь боль), заставляя адресата (интерпретатора) связывать звук со значением и делать выводы (интерпретировать).

Таким образом, прототипические звуки-употребления превращаются в знаки индексы, переходящие в сигналы, предполагающие адресата.

Индексальный знак (индекс) указывает на что-то, что не так очевидно, как это было на стадии иконической Первичности. Индекс ситуативен и обманчив (омнисемантичен), надежность его проверяется опытом, либо логически восстанавливается из ситуации (контекста). Как уже было сказано, индексалы синкретичны и синсемантичны, они требуют экспликации: [11] «*Là-dessus, je lui fais un petit laïus, j'enveloppe la chose, je noue la faveur. Ah! mon ami!"- Le type jubilait, grifonnait, trépigrait de joie*» [TLFi].

Таковы все междометия и ономатопои — их употребление значимо только в ситуации и в момент их произнесения. Их значения — это повторяющиеся стереотипные ситуации употребления, превращающиеся в привычку и создающие когнитивную иллюзию конвенциональности (а также предикативности, адъективности и проч.), которая укрепляется словообразовательной практикой (бухать, кричать, блеять, айкать и т.п.): *Plouf!* = 'quelque chose est tombé dans l'eau'; *Voum!* = 'une explosion vient de se produire'; *Aïe!* = 'j'ai mal'; *Pouah!* = 'cela me dégoûte'.

«Ай!» или «Ой!» как словарные формы — есть на самом деле цитации употребления знака-индекса, объект и интерпретанта которого ситуативны и семиоимплективны 'здесь и сейчас' [ср. Вежицка 1982].

Особенность превращения иконического знака в индексальный заключается в переходе от дескриптивности (субъект-объектная связь) к интеракциональности (субъект-субъектная связь). Индекс приравнивается к сигналу, он имеет коммуникативную функцию.

Косвенность (семиоимпликативность) индексальных знаков зависит от типа индекса и от умения интерпретатора связать причинно-следственной связью репрезентатив и объект. Поэтому индекс субъективен, но эксплицитен, что выражается в термине Пирса «дицисигнум» ('знак высказанный').

Таким образом, Вторичность приводит к образованию интеръектива - синсигнума индексального дициентного.

Дейктичность наследует от Первичности все ее качества (экспрессивность признака, иконичность на уровне более или менее стершейся внутренней формы и рематичность как основание для актуального указания). Поэтому ономотопеи легко превращаются в индексалы (дейксис), указывающие на элементы ситуации или ситуацию в целом:

а) личный дейксис (имплицитует говорящего субъекта или собеседника):— *Aie!, Oh!, Hé!(toi, là-bas), Hé! Psst! Psst!, Chut!*; б) пространственный дейксис: – удаление *Allez ouste!* (Брысь отсюда!); – фиксацию в пространстве: *Hop ! (Je le tiens, le ballon)*; в) пространственно-личный (приближение, остановку и т.д.): *Hep!, Tiens!, Halte!* и т.д. [ср. Światkowska 2006]; г) указание на ситуацию: «Tous les matins, j'ai mal à la gorge. Contractée, je dirais. Puis, je prends mon café et pffouit!, parti. C'est nerveux à ce qu'il paraît»; «Et, vli et vlian, les claques pleuvaient»; «/.../A l'instant même que le lait va bouillir, je suis victime d'une petite distraction de rien du tout, et pfouff!, mon lait pfouff ! dans le feu... Je lui dis : Attends, attends... Ah ! bah !... Il s'en moque...» [Idem].

Дейктичность интеръективов неоднократно отмечалась в исследованиях [Алферов 1990; 2001а,б,в; Кустова 1997; Kleiber 2006; Światkowska 2000; 2006 и др.], но ее проявления по-разному трактуются в свете общей теории дейксиса .

Третичность конвенциализирует иконичность и индексальность, превращая мотивированные изоморфизмом и ситуативностью знаки в кодифицированные в языке слова — ономотопеи и междометия, — приближая их к символам, принадлежащим тому или иному языку (кукареку- *sosogico* и т.д.). Как отмечает Ч. Стивенсон, "люди стонут, так сказать, на всех языках, но говорят *ouch* только в английском (ср. русск. ой). При изучении французского языка англичанину нужно научиться употреблять *helas* вместо *alas* (увы), но вздыхать можно так же, как обычно" [Стивенсон, 1985].

Интеръективы, наравне с другими словами языка, становятся достоянием языковой нормы (системы) и превращаются в легисигнум символический аргументативный.

Аргументативность любого символического термина объясняется его функцией «аргумента», отсылающего к своему содержанию (Это собака. — Нет, это лев). Ср.: *Pierre est venu! – Hélas!*. Конвенциональность и символическость усиливается письменной фиксацией, транскрипцией тех или иных звукоупотреблений. Однако можно говорить об определенных пропорциях кон-

венциональности интеръективных слов, иконичности и индексальности данных языковых знаков при всей их конвенциональности (Ура!, Кукареку!, Черт побери! // Hélas!, Ouste!, Merde!, Bonjour!).

Проведенные нами экспериментальные проверки семасиологического (от формы к толкованию) и ономасиологического характера (от ситуации к междометной форме) среди информантов (12-14 лет) франкофонов (20) и англофонов (10) свидетельствуют о достаточно размытом семантическом ядре и широком функциональном диапазоне наиболее употребительных (исходя из ответов респондентов) междометий французского и английского языков. И те, и другие были представлены (в устной и письменной формах) обеим группам для выявления интерлингвистичности и прототипической омонисемантической интеръективов.

Выборочные результаты эксперимента можно представить в виде таблицы:

форма	интерпретация	фр. /20	анг. /10
OH!	'douleur /surprise /enchantement/peur'// 'surprise/ wonder/ fear/ pain'	20/10/12/3	10/7/10/6
OW! /AÏE!	'pain' // 'douleur'	5/18	9/6
EUH! /UH!	'hesitation'	19	10
WELL!	'surprise/ hesitation'	—	4/6
DEAR!	'pity /surprise'	—	5/6
YUM- YUM!	'when you see something you'd like to eat'	2	8
BERK!/ YUCK!	'c'est dégeulasse' / 'when it doesn't taste good'	18 —	3 9
YOO- HOO!/ YOUPPIE!	'when you call someone'/'joie' 'joie'/'joy'	—/9 18	8 9
PUNAISE!	'l'étonnement, l'admiration'	8	—

Как следует из приведенных данных, близость к прототипичным интеръективным формам ([o], [a], [e], [u]) повышает интерлингвистичность интерпретации, а производность и конвенциональность ее ограничивают. При этом возрастной параметр затрудняет интерпретацию узуальных (конверсивных) междометий внутри референтных групп носителей одного языка (ср. dear!, well!, berk! punaise!) и делает ее практически невозможной для производных (конвенциональных) иноязычных форм. Это показывает, что узуальное значение языкового элемента предполагает не только лингвистическую,

но и коммуникативно-этно-культурологическую компетенцию носителей языка и зависит от социолектной дифференциации (пол, возраст, территория, референтная группа и т.д.).

Как конвенциональные «средства выражения эмоций» междометия используются уже не для выражения чувств (первичный симптоматический интеръективный акт), а для их демонстрации, сигнализации, что формулирует О. Дюкро: «Le Aïe! et le Hélas! se donnent pour des conséquences de la douleur ou de la tristesse (...). En ce sens, on peut dire que les sentiments et émotions qui constituent la signification des interjections sont des significations attestées beaucoup plus qu'exprimées» [Ducrot 1972].

В разделе "Семантико-прагматическая конверсия языкового знака" интерпретанта Пирса, лежащая между означающим и означаемым, представляется как внутреннее свойство знака (быть интерпретируемым), которое подчеркивает активность номинирующего субъекта и определяет в конечном итоге причины соответствия данной языковой формы своему содержанию. Активность номинирующего субъекта проявляется в речевой и языковой деятельности: первая отражает приспособление говорящего субъекта к языковой среде, вторая — приспособление среды к потребностям говорящего. Результаты речевой деятельности фиксируются в узусе (речи), результаты языковой деятельности — в системе и структуре (норме) языка. Обе деятельности взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Омнисемантическая междометизация как проявление окказиональной предикативной номинации — имманентная черта любой разговорной речи:

«A: Pasque là tu comprends chus pas sûr qu'on pourra compter sur lui heu chus pas sûr hein? B : Et pis tu vois l'mec c'est l'style *wouaouh! gloup gloup gloup...* (Note : conversation enregistrée dans un café; d'après le contexte : *wouaouh!* signifiait : qui s'enthousiasme facilement, *gloup gloup gloup* : qui se dégonfle aussi facilement; A et B s'adressaient à une tierce personne)» [André-Larochebouvy 1994].

Как было отмечено выше, интеръективы языка существуют в совокупности трех семиотических измерений и в том или ином употреблении дают тот или иной семиотический тип (следуя Ч.С. Пирсу):

Три основных типа:

1. **Квалисигнум иконический рематический** (pf!, splash!, meuh!, etc.);
2. **Синсигнум индексальный дициентный** (Aïe!, Oh!, Hé!, etc.);
3. **Легисигнум символический аргументативный** (Hélas!, Halte! Bordel!, etc.).

Семь комбинаторных:

— синсигнум иконический рематический (окказиональное, некодифицированное употребление интеръективов: фюить, фюить, жык, жык, гrrrrrr, фу, бrrrr и т.д. // roc, pof, pok, ptoui, scrotch, slurp, tacatacatac, etc.;

— синсигнум индексальный рематический (крик боли, вокальный некодифицированный жест «O!/У! /A!/ Ы!/ Э! / Мм! // pst !; tchoc!; teu teu teu! и т.д.): в этом употреблении может выступать любой звуковой жест;

— легисигнум иконический рематический (гав-гав, кукареку; хи-хи, ха-ха // *Puis toc! il est mort*) – ономатопеические формы, конвенциализированные в языке;

— легисигнум индексальный рематический (–Ты получишь у меня! – *Oй-ой-ой*, испугалась!; – Ты сама должна туда пойти. – *Ага, щас* (сейчас)! // *Super! Sensa! Bof! Oh-là-là! Oops! Wow! hein?*) – междометные формы, вносящие в высказывание дополнительные смыслы (аргументативные, интерперсональные и т.д.);

— легисигнум индексальный дициентный (*Стой, кто идет!* – при встрече друзей; – Как здоровье? – Не дождетесь! // *Ah, là, bravo! t'es vraiment dégeulasse!*);

— легисигнум символический рематический: Что ты-ы-ы! Ингеборга Дапкунайте! // *Ouais! A donf!*) – окказиональная междометизация;

— легисигнум символический дициентный: ономатопеи: ку-ку; гав-гав; конвенциализированная делокутивная междометизация: Здорово!, Атас!, Круто!, Черт! // *Merde! Chapeau! Oh, la vache! Tiens!*).

Выделенные на основе семиотической классификации Ч. Пирса классы и подклассы интеръективных употреблений отличаются степенью конвенциализации, т.е. степенью закрепленности в узусе (стереотипность) и проникновения в кодифицированный язык.

Такая классификация подтверждает динамический характер интеръективного семиозиса, когда знаки меняют свой семиологический статус, переходя из одной семиотической категории в другую. В основе такой динамики лежит связь знака с его употреблением, когда во главу угла ставится прагматика знака, субъективность и целенаправленность речевой деятельности и интерпретации ее результатов. Таким образом, превращение доязыковой, прототипической речи в язык можно представить как процесс превращения мотивированных иконических форм в конвенциональные, демотивированные в синхронии, стереотипные употребления, закрепляющиеся в языке в виде слов-символов и функционирующие по законам языка как лексические, лексико-семантические и фразеологические единицы.

Прагматизация знака — это обратный процесс, когда закрепленные в языке конвенциональные формы (символы) превращаются в речи в контекстно обусловленные знаки-индексы, значение которых зависит от ситуации употребления. Такой процесс лежит в основе номенклатурной открытости интеръективов.

Междометизация дескриптивных элементов языка (лексем и фразем) представляет собой особый деривационный процесс, основанный на конверсивных отношениях единиц языка и речи (семантики и прагматики) и принципиально отличается от других проявлений конверсивного словообразования. При интеръективизации происходит не просто смена частеречной парадигмы и переосмысление семантико-синтаксических функций конверсивов, а происходит семиотическая конверсия, т.е. меняется семиотический статус знака: из конвенционального дескриптивного знака-символа конверсивный дериват превращается в знак-индекс или в знак-икону.

Другими словами, происходит дейктизация и перформативизация дескриптивных элементов языка (ср. «огонь» — «Огонь!» (=Пли!); «пожар» — «Пожар! Помогите!»; «круто» — «Круто!» (классно, клево, по кайфу, отпад, вау! и т.д. //cool, à donf, ouais, super, le pied, extras, wow!).

Такая деривация строится на основе узуальности употребления той или иной единицы в определенной стереотипной ситуации речевой интеракции в функции маркера того или иного аспекта речевого взаимодействия (привлечение внимания собеседника, указание на наиболее важный элемент действительности, побуждение к действию, синестетически иконическое представление образа действия и т.д.).

Узуальность, стереотипность как основа деривации, проявляется в феномене делокутивности, отмеченном Э. Бенвенистом и развитом в работах Ж.К. Анскомбра, О.Дюкро, Б. Корнюлье, Ф. Реканати и др. исследователей [Бенвенист 1974; Anscombre 1977; 1979; 1980; 1985; Anscombre, Ducrot 1983; Ducrot 1980; Cornulier 1980; Récanati 1980].

Делокутивность в самом общем значении несет в себе элемент цитации ("от речи"), узуального повторения определенного выражения или речевой единицы в определенной типичной ситуации речевого взаимодействия.

Такая стереотипность сопровождается делокутивным семантическим сдвигом, опирающимся на значение исходного элемента. Так, например, в ситуации спора или разногласия с собеседником (первая стадия делокутивности) говорящий предлагает рассмотреть сообща причины расхождения во взглядах: *Vooyons ça ensemble!* - ср. русск. "Вы посмотрите!". Под влиянием узуса происходит синхронная идеологическая деривация (семантический сдвиг) и образуется делокутивная единица *Vooyons!*, которая уже не призывает собеседника "рассмотреть" предмет спора или несогласия, а выражает общее отношение говорящего к ситуации речевого взаимодействия, которая требует пересмотра, т.е. несогласие, возмущение и т.д. Свободное выражение превращается в прагматический маркер полемики, упрёка, возмущения, конфронтации. Закрепленное в узусе делокутивное (перформативное, дейктическое) значение *Vooyons!* относит данную единицу к разряду интеръективов.

Делокутивная деривация лежит в основе образования большинства производных междометий: *Tiens!*; *Allons!*; *Allez!*; *Dis donc!*; *Soit!*; *Pensez-vous!*; *Vas-y!*; *Tu penses!*; *Tu parles!*; *Bis!*; *Fichtre!*, etc.// Подумаешь!; Слушай!; Поди ж ты!; Здра-а-вствуйте... и т.д.

Происходит своего рода генетическое обращение, или семиотическая конверсия знака: знак-икона — знак-индекс — знак-символ — знак-индекс — знак-икона. Прагматизация (ситуативность), делокутивность и вторичная иконичность лежат в основе интеръективизации — превращения дескриптивных слов и конвенциональных форм в междометия: *Черт!*, *Блин!*, *Японский городской!* *Ёкалэмэнэ!* и т.д. Такие употребления, пройдя через узус, также конвенциализируются и становятся достоянием языка, его междометного и фразеологического фонда.

Основные и промежуточные формы, составляющие функциональный диапазон между окказиональным употреблением, узусом (речью) и нормой

(языком) достаточно вариативны. Переход форм из речи в язык и обратно на основании Пирсовой типологии знака представляет следующая таблица конверсивного семиотического поля системы «речь—язык—речь»:

доязы- ковая проторечь	→→→→→ употребление	→→→→→ конвенционализация узус	→→→→→ кодификация	язык
иконич- ность	(1) 'кпр-кпр' 'бррр' <i>pf!, splash!</i>	(2а) <i>кар кар кар кар кар!</i> <i>plouf! Tos!</i>	(3а) <i>кар-кар!</i> <i>кукареку!</i> <i>cocorico!</i> <i>tic-tac</i>	дескрип- тивность
индексаль- ность	(2б) <i>o! a!</i> <i>O! Ah!</i>	(2) <i>фу! ой!</i> <i>Aie!, Oh!, Hé!</i>	(3б) <i>Къш!</i> <i>ТЬфу!</i> <i>Ouste!</i>	синкре- тичность
некон- венци- ональная речь	(3г) <i>Что ты-ы-ы! Ингеборга</i> <i>Данкунайме! //</i> <i>Ouais! A douf!</i>	(3в) <i>Не дожидеться!</i> <i>Ah, là, bravo! t'es</i> <i>vraiment dégeulasse</i> (3д) <i>Здорово!, Amac!</i> <i>Круто!, Черт! //Merde!</i> <i>Chapeau! Oh, la vache!</i> <i>Tiens!</i>	(3) <i>Черт!</i> <i>Амба!</i> <i>Ура!</i> <i>Hélas!</i> <i>Halte!Bordel!</i>	конвенц- иональ- ная речь
	←←←←← ситуативность	←←←←← делокутивность	←←←←← прагматизация	

В 3-й главе "Функционально-интеракциональная типология интеръективных единиц французского языка" представлена функционально-интеракциональная типология французских интеръективов, их связь с категориями коммуникативного акта и обоснование прагматикализации модусных элементов и грамматикализации интеръективных речевых единиц французского языка.

Интеръективы как синкретичные, семантически «непрозрачные» лексико-грамматические единицы языковой системы, требуют прежде всего функционального подхода к определению их места и значимости в синтактико-семантико-прагматической картине того или иного языка.

Семантика междометий может характеризоваться как интегральная семантика, включающая прагматику в характеристики значения того или иного междометия, относительно следующих факторов: 1) интенциональность говорящего (речевое намерение); 2) прагматический (перформативный) эффект употребления; 3) контексты употребления.

При таком подходе ядерный центр функционально-семантического поля интеръективов состоит из двух интенциональных разрядов — «субъект-объектных» репрезентативов, отражающих отношение говорящего к объекту внешнему (не-лицо) через субъективное представление его свойств («квалисигнумов»), «субъект-субъектных» эмотивов (1 лицо), рефлексивно отражающих внутреннее состояние говорящего, и конативов (2 лицо), направленных на собеседника.

Обобщенным контекстом употребления интеръективов является коммуникативный процесс с его тремя компонентами (по Бюлеру): говорящим, слушающим и предметом речи. В таком ракурсе интеръективы делятся по корреляции лицо/не-лицо (ср. [Гак 2000; Кустова 1997]):

интеръективы		
лицо		не-лицо
1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
эмотивы	экспрессивы	репрезентативы (ономатопеи)

Недостаток термина «экспрессив» состоит в том, что экспрессия как интенсивность выражения может сопровождать и выражение чувств интенционально «ненаправленных» эмотивов и зависеть от силы манифестации самого чувства.

Поэтому направленные на собеседника интеръективы предлагается обозначать термином, коррелирующим с функцией воздействия (конативная функция по Р. Якобсону) — конативные интеръективы, или конативы:

направленность	ненаправленность
конативы	эмотивы/репрезентативы

По прагматическому эффекту интеръективы можно разделить на экспрессивные и импрессивные, т.е. коммуникативные и некоммуникативные.

Так, инвективы (оскорбления), как правило, экспрессивны и конативны, в то время как эксплетивы (божба, клятвы и т.п.) по преимуществу не направлены (импрессивны) (а), но во вторичной функции могут приобретать направленный, экспрессивный характер (б):

а) эксплетивный эмотив: *Merde! Encore une facture ; Merde! J'ai pas fini mon travail; Merde! Le cousin Gaston ; Merde! Ma voiture est en panne ;*

б) экспрессивный конатив: *Merde! (le mot de Cambronne) – возмущенный отказ; E-ê-êh! Merde! – злорадный отказ; Merd' ! Merd' ! Merd'! – раздраженный отказ; Et puis merde! Puisque c'est ça que tu veux – вынужденное согласие и т.д.*

Таким образом, первичной (семантической) функцией является:

– для эмотивов — выражение эмоционального состояния говорящего субъекта (импрессивность);

– для конативов — воздействие на поведение адресата (экспрессивность);

– для репрезентативов — выражение импрессии, субъективного впечатления от интенционального объекта.

Вторичной значимой функцией выступает:

– для эмотивов и репрезентативов — конативно-поэтическая (стили-стическая) функция (экспрессивность);

– для конативов – эмотивно-репрезентативная функция (напр., инвек-тива в адрес 3-го лица (Идиот!// Ah, le salaud!), выражающая эмоцию (него-дование) и выступающая в роли импрессивной номинации интенционального объекта).

Вторичные значимые функции интеръективов проявляются на уровне речевого взаимодействия в том или ином аспекте речевой интеракции (см. ниже). Вторичной асемантической функцией для всех интеръективов является функция структурирования интеракционального дискурса (вступление в контакт, поддержание контакта, заполнение пауз, выход из коммуникации и т.д.). Синсемантические, «слабые» по лексическому значению, как всякий семантически «непрозрачный» элемент языка, они становятся частью формальной структуры плана выражения [Гак 1998].

Таким образом, функциональная семантика интеръективов определяется следующими типами функций:

1) первичная функция (семантическая) - выражение эмоционального состояния, интенционального состояния и оценки (положительной, отрицательной и «безразличной»). Субъективная и аксиологическая интенциональность направлена на пропозициональное содержание высказывания или на собеседника и выражается, в частности: а) в субъективном способе отображения явлений действительности (импрессивные и экспрессивные репрезентативы); б) в интерперсональной оценке собеседника и конативном воздействии;

2) вторичные функции: а) прагматические - маркирование различных аспектов речевого взаимодействия (иллокутивной и аргументативной силы высказывания, интерперсональных отношений между собеседниками); б) строевая — междометия выступают в роли коннекторов, связывающих высказывания между собой, средств вступления в коммуникацию, поддержания речевого контакта и выхода из коммуникации.

Функциональное ядро интеръективной системы составляют три аспекта: эмотивный, конативный и репрезентативный. Околоядерную функциональную периферию составляют интеръективные употребления во вторичных функциях и десемантизированные (структурные) употребления.

По формальным характеристикам к ядерным интеръективам во французском языке относятся первообразные междометия и производные, не превышающие 2-4 фонетических слогов. К периферии — устаревшие или идиоматические интеръективы и междометные фразеологизмы (фразеорефлексы).

В 4-й главе "Междометия в динамическом аспекте высказывания" выявляется роль интеръективов в формировании динамики высказывания как единицы речевой интеракции, их функции маркеров интенциональности, интеракциональности, релевантности, интерактивности и когерентности высказывания-речевого акта.

Будучи средством выражения субъективной модальности в языке, интеръективы французского языка входят в более широкое функционально-семантическое поле субъективной модальности, составляя определенное микрополе с взаимодействующими ядерными и периферийными элементами. В процессе порождения речи эти элементы выполняют функции операторов (модализаторов) и коннекторов, необходимых для организации высказывания как единицы речевого обмена и интеракционального дискурса. Интеръективные модализаторы меняют смысл высказывания в рамках речевой интеракции, выявляя (маркируя) его контекстное значение.

Интеръективы модифицируют смысл высказывания, связанный с их окружением и проявляют скорее не внутрифразовую синтактику, а диалогическую, дискурсивную синтактику, организующую структуру диалогического дискурса в рамках речевой интеракции. Опускание интеръективов невозможно без потери смысла высказывания в рамках интеракционального диалога. Ср.:– Il pleut (описания события, дескриптив); – Oh, il pleut! (эмотивное отношение к факту, напр., удивление/ радость и проч., и импликация вывода, напр., 'синоптики опять ошиблись' и т.д.);– Zut! / Merde! / Helas!, il pleut! (огорчение 'прогулка отменяется' и т.п.);– Aïe! Il pleut! (неприятное ощущение и экспликация причины);– Il pleut, voyons! (отказ выйти на улицу);– Il doit faire beau aujourd'hui – Tu parles! Il pleut! (возражение, контраргументация);– Ah! Il pleut! Sauve qui peut! (побуждение к действию), etc.

Данные примеры проявляют некоторые особенности функциональной семантики интеръективов:

а) синсемантическая связь с эксплицитной или имплицитной пропозицией высказывания (невозможность интерпретации вне контекста/ко-текста);

б) диафоричность (анафоричность + катафоричность) интеръективов, т.е. кореферентная связь с предыдущими или последующими элементами высказывания и диалогического дискурса;

в) инференциальный (семиоимплективный) характер, т.е. значение (смысл) интеръективов выводится из их пропозиционального и ситуативного контекста;

г) сочетаемость с другими междометными единицами и другими модусными элементами высказывания и диалога.

Семантическое свертывание эксплицитного модуса в разговорной речи приводит к лексикализации модусной конструкции и грамматикализации междометий, которые становятся средством выражения субъективной модальности высказывания и – шире – речевого взаимодействия, отличаясь от эксплицитного модуса синкретизмом и отсутствием дескриптивного значения. Такие функциональные единицы рассматриваются как интеръективные речевые единицы (ИРЕ) языка.

Динамический аспект высказывания отражает процессы, происходящие в речевом взаимодействии. В момент порождения высказывания происходит ряд когнитивно-коммуникативных операций:

— актуализация определенного мысленного содержания (пропозиции) сквозь призму интенциональности (отношение говорящего к пропозиции, например, знание, мнение, выражение чувств, оценка);

— ориентация высказывания относительно собеседника в интеракционном плане, заключающаяся в иллокутивной и аргументативной направленности высказывания, на которую накладываются интерперсональные отношения (стратегия сотрудничества/конфронтации, социальные роли и т.д.);

— дискурсивная организация высказывания в соответствии с перечисленными аспектами речевого взаимодействия и связи его с предыдущими и последующими высказываниями в рамках интеракционного дискурса.

В когнитивном аспекте интенциональность и выражающий ее модус становятся связующим звеном между реальной действительностью и субъектом (его мыслью, эмоциями), между субъектом и его высказыванием, между сообщением и его адресатом. В этом случае элементы эксплицитного модуса, в частности интеръективы, становятся средством актуализации пропозиционального содержания, выполняя функцию актуализаторов, маркеров, проявляющих отношение субъекта высказывания к различным параметрам коммуникативной ситуации.

Междометия, помещая определенное пропозициональное содержание в модально-коммуникативную рамку, являются средством выражения четвертого параметра актуализации высказывания – параметра «так», «таким образом» – который наряду с тремя классическими «я-здесь-теперь» (локализация) определяет модальность высказывания, указывает на способ представления референта в знаке («интерпретанта»). Параметр "так" относится и к самому оформлению высказывания, выражающемуся в определенной последовательности элементов, в наличии зачина, связок, заключительных элементов высказывания, речевого обмена и т.п. В соответствии с этим параметром

коммуникативная рамка, накладываемая на пропозициональное содержание, делится на эмоционально-оценочную и дискурсивно-коммуникативную (организация речи) рамки высказывания.

Конативная функция осуществляется экспрессивно-эмотивными интеръективными средствами с интерперсональной направленностью. Интенциональность говорящего интерпретируется адресатом и вызывает ответную реакцию, прямо или косвенно свидетельствующую о степени релевантности интерпретируемого высказывания.

Качественная релевантность определяется синхронизацией интенциональностей адресата и адресанта по двум векторам — субъект-объектному (референциальному) и субъект-субъектному (интеракциональному). Субъект-объектный вектор направлен на идентификацию референта сообщения. Субъект-субъектный — на синхронизацию интерперсональных отношений собеседников и регулирование речевых стратегий.

Таким образом, в динамическом аспекте высказывания интеръективные единицы речи выполняют функции маркеров интенциональности, оценки содержания (пропозиции) высказывания, маркеров интеракциональности (отношения к собеседнику) и маркеров релевантности и интерактивной когерентности высказывания как единицы речевого взаимодействия.

В 5-й главе "Функциональная система интеръективов французского языка в речевом взаимодействии (иллюстративный анализ)" выводится функционально-прагматическая классификация интеръективных речевых единиц (ИРЕ) французского языка, которая отражает механизмы актуализации высказывания в речевом взаимодействии. Системность интеръективов определяется, как уже указывалось, их значимостью в системе «язык-речь», т.е. определяется функциями ИРЕ, обеспечивающими взаимодействие системы с ее внешней средой.

В соответствии с тремя аспектами коммуникативной ситуации — деятельностным, дискурсивным и предметным — можно выделить три типа интеръективных маркеров:

- 1) праксематические маркеры, или праксемсы
- 2) дискурсивные маркеры, или дискурсемсы
- 3) маркеры интенционального отношения к содержанию высказывания, или контенсемсы.

Интеръективные праксемсы осуществляют регулятивную функцию, т.е. с их помощью говорящий осуществляет практические действия: приказы, призывы, «отсылы», инвективы, речевые акты упрека, вызова, запрета и т.д.: *Hep!*, *Halte!*, *Sauve qui peut!*, *Ouste!*, *Salaud!*, *Pauv' con!*, *Voyons!*, *Chiche!*, *Que dale!*, etc.

Интеръективные дискурсемсы выполняют интерактивные функции внутри речевого взаимодействия, обеспечивают вхождение в контакт, выход из контакта, поддержание контакта (*feed back*, *silence fillers*, etc.), связь высказываний между собой, их иллюкутивное согласование и т.д.: *Ouais!*, *Eh bien!*, *Bon ben*, *Hmm*, *Euh*, *O'key*, etc.

Интеръективные контенсемы маркируют отношение говорящего к пропозициональному плану речевого взаимодействия: *Merde alors!*, *Mon Dieu!*, *Ça alors!*, *Tu parles!*, *Oh! Ah!*, *Ouais!*, etc.

Таким образом, функции (значения) ИРЕ рассматриваются как операции над смыслом целого высказывания, помещенного в контекст речевого взаимодействия.

В момент порождения высказывания говорящий заключает пропозициональное содержание, отражающее ментальные операции, в эмоционально - оценочную рамку интенциональности (аффективности). ИРЕ выполняют, наряду с другими прагматическими средствами, функцию шифтеров, актуализаторов пропозиции, передающей перцептивно-когнитивные операции идентификации (узнавания); таксономии, или классификации (отнесения к классу); характеристики (выделения признака); интерпретации (установления знаковых отношений); выявления импликаций (определения каузальных, следственных и т.д. связей).

ИРЕ участвуют в маркировании уместности / неуместности сказывания, то есть соответствия высказывания максимум релевантности, количества, качества и способа. Предупреждая возможную ложную интерпретацию пресуппозиций собственного высказывания, говорящий использует ИРЕ для введения корректирующей реплики. Нарушение максимум релевантности и качества (высказывание должно быть информативным, а вопрос касаться того, что неизвестно) вызывает соответствующие санкции, маркируемые ИРЕ.

В иллокутивном плане высказывания ИРЕ могут как сопровождать эксплицитные перформативные средства, указывающие на иллокутивную цель высказывания, так и употребляться самостоятельно в качестве иллокутивных маркеров-операторов, которые и маркируют, и модифицируют иллокутивную функцию высказывания.

ИРЕ являются средством осуществления иллокутивных актов, преимущественно выражающих «чувства или установки», однако выполняют функцию маркирования и реализации других иллокутивных актов.

ИРЕ выступают (наряду и совместно с другими средствами - интонацией, порядком слов, повторами, риторическим вопросом и т.д.) модификаторами (операторами), осуществляющими «иллокутивную деривацию», то есть указывают на наличие дополнительной, косвенной иллокутивной силы высказывания.

ИРЕ выполняют функцию маркеров иллокутивного вынуждения, являясь в то же время коннекторами по иллокутивной функции. В этом случае ИРЕ актуализируют, усиливают, а иногда, в силу своей семантики (внутренней формы), эксплицируют иллокутивное вынуждение ("Молчать!" / "Halte!").

ИРЕ участвуют и в осуществлении «обратной связи», т.е. в построении реплики-реакции, маркируя ее и, будучи коннектором, соединяя ее с предыдущим высказыванием. При этом используются ИРЕ различной степени десемантизации, характеризующиеся, тем не менее, стереотипностью (речевые

клише). Импрессивные эмотивы, как правило, реактивны, а экспрессивные эмотивы — про-активны. Эта дифференциация свойственна и конативам.

ИРЕ позволяют соблюсти правила иллокутивного вынуждения, не нарушая последовательность речевых актов и не прерывая речевого взаимодействия, предотвращая коммуникативные неудачи.

ИРЕ маркируют аргументативную значимость высказывания — аргумента или тезиса (вывода, заключения).

ИРЕ выступают в качестве эмоциональных интенсификаторов аргументативной силы высказывания.

ИРЕ маркируют высказывания, которые говорящий представляет как ко/анти-ориентированные по отношению к имплицитному или эксплицитному тезису. Аргументация связана с импликацией и пресуппозицией, поэтому аргументом может служить отдельная номинация, когда ИРЕ подчеркивают аргументативную значимость ее коннотативного оценочно-имплицитного аспекта. Функция ИРЕ как аргументативных интенсификаторов связана с актуализацией пресуппозиции (указание на фоновые знания, на предполагаемые намерения собеседника и т.п.). Употребление ИРЕ позволяет говорящему подчеркнуть очевидность аргумента/тезиса, что является эффективной аргументативной стратегией.

Таким образом, в аргументативном дискурсе ИРЕ выполняют функцию маркеров аргументативно значимых высказываний (аргументов, выводов). Являясь операторами и коннекторами, ИРЕ изменяют аргументативную силу (интенсивность) аргументации, а также связывают аргументативно значимые высказывания в речевом взаимодействии.

Большая часть материала, "произведенного" во время речевого взаимодействия, выполняет интерперсональные функции. К информативной цели добавляются дополнительные цели: поиск консенсуса, желание доказать свою правоту, необходимость "сохранять лицо" говорящего и собеседника, либо скомпрометировать "лицо" собеседника, проявить речевую агрессию и т.п. ИРЕ, участвующие в речевой реализации интерперсональных отношений, определяющие «модус» общения: интимный/дистантный, конфликтный/доверительный, «на равных» / «иерархический» и т.п., делятся на две категории: миметических и агональных маркеров, пронизывающих все пространство речевой интеракции.

Агональные употребления ИРЕ, указывающие на конфронтацию, делятся на:

- а) маркеры дистантности, обособленности говорящего;
- б) маркеры оппозиции, несогласия;
- в) маркеры полемики, вызова;
- г) маркеры речевой агрессии, конфронтации.

Миметические употребления ИРЕ выражают три степени сотрудничества: а) признание партнера и его точки зрения; б) указание на схожесть точек зрения собеседников и призыв к соглашению; в) полное согласие с точкой зрения собеседника.

ИРЕ выступают в роли макрорегуляторов и микрорегуляторов, организующих речевое взаимодействие.

Макрорегуляторы обеспечивают ритуальную организацию речевого взаимодействия - а) вступление в коммуникацию, поддержание речевого контакта, прерывание собеседника и несанкционированное речевое действие; б) передача слова собеседнику, выход из коммуникации. ИРЕ – структурные микрорегуляторы – осуществляют членение и структурирование дискурса, обеспечивают связь между единицами структуры речевого взаимодействия - речевыми актами. Кроме рассмотренных выше интерактивных коннекторов, связывающих высказывания - реплики собеседников, в дискурсе функционируют и интегративные коннекторы, связывающие элементы отдельного речевого хода - высказывания. К интегративным микрорегуляторам (связь элементов внутри высказывания) относятся интрадукторы, осуществляющие введение модуса высказывания — эмоционально-оценочного отношения говорящего к пропозиции собственного высказывания, а также коррекцию, связанную с предупреждением ложной интерпретации, введением рематического "нового", модифицирующего пропозициональное содержание.

В Заключении подводятся основные итоги исследования:

Междометие - прагматическая единица языка, занимающее особое место в его системе. Междометие представляет собой косвенное обозначение (заменяющее прямую номинацию) эмоций и является непосредственной языковой реакцией говорящего на определенные аспекты речевой ситуации. Синкретизм и индексальность интеръективов предопределяет выполнение ими прагматических функций маркеров и операторов речевого взаимодействия. Исследование механизмов образования и функционирования разряда ИРЕ позволяет определить характерные черты, присущие междометной речевой единице: в основе образования ИРЕ лежит феномен делокутивной деривации; лексическое значение ИРЕ прагматично и семиоимплекативно, то есть полностью зависит от ситуации их употребления. Рефлексивность, или автономность междометий как знаков заключается в том, что значимым становится сам акт произнесения ИРЕ в каждой конкретной ситуации общения. Ядро разряда ИРЕ, состоит из односоставных элементов, внутренняя форма которых либо невозстановима, либо требует специального этимологического исследования. Периферию разряда ИРЕ составляют производные единицы с прозрачной внутренней формой, стремящиеся к фразеологизмам, а также аффективная лексика, утратившая дескриптивное значение и превратившаяся в делокутивные междометные единицы. Исследование показало, что прагматические функции непрямых (первичных) междометий, составляющих ядро разряда ИРЕ, более разнообразны, так как семантический компонент смысла первичных междометий практически не выражен. Такие междометия максимально связаны с ситуацией и контекстом высказывания, то есть полностью синсемантические. Не связанные внутренней формой, они становятся идеальным средством выражения самых разных аспектов прагматического компонента высказывания.

В основе функционально-прагматической характеристики интеръективов лежат положения современной лингвопрагматики о динамическом аспекте высказывания - речевого действия, отражающего различные параметры коммуникативного акта; об иллокутивной направленности высказывания - речевого акта; о закономерностях протекания речевого взаимодействия. ИРЕ являются маркерами различных аспектов коммуникативного акта. Это, прежде всего, отношение говорящего к содержанию высказывания (пропозиции), к партнеру по коммуникации, к построению интеракционального дискурса.

В пропозициональном аспекте ИРЕ являются маркерами субъективности говорящего и средствами представления предметной ситуации и ее элементов в нерасчлененном виде (репрезентативы), а также маркерами имплицитного содержания пропозиции и коннекторами, обеспечивающими взаимодействие эксплицитных и имплицитных компонентов пропозиционального содержания. В пропозициональном плане речевого взаимодействия ИРЕ обеспечивают реализацию определенных речевых стратегий, таких как подчеркивание имплицитной значимости отдельной номинации и целого высказывания, синкретичного выражения эмоциональной оценки высказывания с точки зрения истинности/ложности, уместности/ неуместности, выражение согласия/несогласия. ИРЕ являются маркерами соответствия/несоответствия высказывания постулатам речевого общения, а также являются маркерами коррекции и самокоррекции.

В иллокутивном аспекте ИРЕ выполняют функцию конвенциональных маркеров иллокутивной силы высказывания, операторов интенсивности иллокутивного речевого действия. ИРЕ являются также маркерами иллокутивного вынуждения и коннекторами, соединяющими речевые акты по иллокутивной функции. Деление ИРЕ на экспрессивные и эмотивные речевые акты оправдано с точки зрения направленности выражаемого эмоционально-оценочного интенционального состояния либо на собеседника (экспрессив), либо на пропозицию и самого говорящего (импрессивный эмотив).

В аргументативном аспекте ИРЕ являются маркерами аргументативно значимых элементов речевого взаимодействия - аргументов и выводов, а также аргументативными коннекторами, осуществляющими связь про- и контрнаправленных аргументативных высказываний.

В интерперсональном аспекте ИРЕ являются конвенциональными средствами организации речевого взаимодействия, маркируя две основные тенденции - речевое сотрудничество, «кооперативность» и конфронтацию. ИРЕ выступают также в роли маркеров позитивного и негативного лица говорящего.

В дискурсивном аспекте речевого взаимодействия ИРЕ являются маркерами вступления в коммуникацию, поддержания и прекращения речевого контакта, а также средствами обеспечения когерентности и членения интеракционального дискурса.

Дальнейшее исследование ИРЕ, основанное на функционально-прагматическом подходе, позволит выявить и детально описать функции каждой

ИРЕ, которые могут быть представлены в словаре, основанном на принципе системной лексикографии (например, в концепции "Смысл-Текст"), подчеркивающим их функциональную общность с другими речевыми единицами, отражающими динамику речевого общения.

ИРЕ представляют собой маркеры интеракциональных стратегий, номенклатуру которых можно получить, исследуя функции не только ИРЕ, но и других речевых единиц - частиц, союзов, лексикализованных глагольных конструкций, фразеологизмов, речевых стереотипных формул.

Таким образом, проведенное исследование является составной частью изучения механизмов речевого взаимодействия и языковых средств их реализации. Оно вносит свой вклад в построение адекватной грамматики речи, отражающей такие интеракциональные категории языка и речи, как аргументативность, интерперсональность, дискурсивная когерентность, релевантность и т.д.

В ходе исследования получены следующие результаты:

- уточнены параметры прототипичности интеръективов в глоттогенетическом и когнитивном аспектах, описан семиогенез междометных и ономатопеических единиц, раскрыт механизм семантико-прагматических трансформаций, обуславливающих закономерности образования и функционирования системы интеръективов;

- впервые представлена классификация семиотических типов интеръективов, описана система функционирования междометий французского языка в речевом взаимодействии;

- определен семиотический статус производных интеръективов, переходящих в разряд семиоимпликативных, праксемических знаков;

- определены семиотические и функциональные типы интеръективов французского языка;

- обоснован функциональный статус интеръективной системы французского языка в речевом взаимодействии;

- классифицированы интеракциональные категории высказывания и речевой интеракции, реализующиеся при системном употреблении интеръективов;

- проведен многоаспектный анализ интеръективов французского языка, проведена семиотическая типология интеръективов французского языка, их функциональная классификация в различных аспектах речевого взаимодействия: пропозициональном, интерперсональном, дискурсивном и т.д.

- привлечен аутентичный материал на базе объемного речевого текстового корпуса и экспериментальной работы с информантами, обеспечивающий получение достоверных и надежных результатов.

В Приложениях дается лексикографическое описание производных и окказионально-конвенциальных ономатопеических форм французского языка.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии и учебно-методические работы:

1. Кустова Е.Ю. Интеракциональная теория междометия (на материале французского языка). Монография /Е.Ю. Кустова. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – 360с.
2. Кустова Е.Ю. Теоретическая фонетика французского языка. Системный и функциональный аспекты. Учебное пособие (На французском языке) / Е.Ю. Кустова. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007. – 90с.
3. Кустова Е.Ю. Коммуникативная норма и девиации в речевом взаимодействии. Учебное пособие по коммуникативной грамматике (французский и английский языки) /Е.Ю. Кустова. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008.-62с.

**Статьи в рецензируемых научных журналах,
включенных в реестр ВАК РФ**

4. Кустова Е.Ю. Семиотическая конверсия звукоупотреблений в языке /Е.Ю. Кустова // «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», № 3-4. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007.- С. 154-157.
5. Кустова Е.Ю. Опыт интеракциональной систематизации французских интеръективов /Е.Ю. Кустова // "Вестник Тамбовского университета". - Сер. Гуманитарные науки, Вып. 5(61)- Тамбов, 2008. – С. 254-259.
6. Кустова Е.Ю. К интеракциональной теории французского междометия /Е.Ю. Кустова // "Вестник РУДН", Серия: Вопросы образования: языки и специальность, №2. – М., 2008. - С. 53-60.
7. Кустова Е.Ю. Интеракциональная парадигма исследования междометий (на материале французского языка) /Е.Ю. Кустова //«Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», № 2. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008.- С.182-185.
8. Кустова Е.Ю. Функционально-семантическое поле французских интеръективов /Е.Ю. Кустова // "Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А.С. Пушкина", № 5 (19). - Серия филология. - Санкт-Петербург, 2008.- С. 164-172.
9. Кустова Е.Ю. Интеракциональная типология французских интеръективов / Е.Ю. Кустова // "Вестник Воронежского государственного университета". - Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 1, 2009. – С. 82-87.
10. Кустова Е.Ю. Семантика и прагматика французских интеръективов. Часть I. Семантика. / Е.Ю. Кустова // « Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», № 2.- Пятигорск: Изд-во ПГЛУ , 2009–С. 102-107.
11. Кустова Е.Ю. Семио-прагматическая конверсия интеръективов (на материале французского и русского языков) / Е.Ю. Кустова // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия "Современные лингвистические и методико-дидактические исследования". Выпуск 1 (11). – Воронеж, 2009. - С. 182-189.

12. Кустова Е.Ю. Семантика и прагматика французских интеръективов. Часть II. Интеракциональная прагматика /Е.Ю. Кустова // «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», № 2.- Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. –С. 111-114.

Статьи и материалы конференций:

13. Кустова Е.Ю. Семантические разряды междометий французского языка /Е.Ю. Кустова // Теоретические и прикладные проблемы подготовки учителя иностранных языков. Материалы межвуз. науч.-практ. конф. -Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1992.— С.78-80.
14. Кустова Е.Ю. Проблема междометия во французской лингвистике /Е.Ю. Кустова // Функционально-семантические характеристики предложения в современном французском языке. - Сб. науч. трудов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1993. — с.43-54.
15. Кустова Е.Ю. Семантические характеристики междометий в современном французском языке /Е.Ю. Кустова// Функционально-семантические характеристики предложения в современном французском языке. - Сб. науч. трудов. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1993. — с. 63-69 .
16. Кустова Е.Ю. Делокутивная деривация и функциональная характеристика французских междометий /А.В. Алферов, Е.Ю. Кустова // Романская филология. Т.2. - Екатеринбург, 1994. - С.48-56.
17. Кустова Е.Ю. Делокутивность и функции французских междометий /Е.Ю. Кустова // Вопросы романо-германской филологии. - Сб. науч. трудов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1995. — С.151-154.
18. Кустова Е.Ю. Универсальное в прагматическом компоненте высказывания: интерактивные регуляторы речевого взаимодействия/ А.В.Алферов, Е.Ю. Кустова // Revue annuelle de Philologie Classique et Romaine.. Вып.2. Одесса: Изд-во ОГУ, 1995.— С. 22-25.
19. Кустова Е.Ю. Основания функционально-прагматического исследования междометий (на материале французского языка) /Е.Ю. Кустова // Вопросы романо-германской и русской филологии. - Сб. науч. трудов. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1996.— С. 203-210.
20. Кустова Е.Ю. Некоторые функции междометия в речевом взаимодействии (на материале французского языка) /Е.Ю. Кустова // Язык. Общество. Культура. I Российская конференция «Актуальные проблемы романистики». - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999.— С. 98-99.
21. Кустова Е.Ю. Междометие как оператор речевой интеракции (на материале французского языка) /Е.Ю. Кустова // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация. Вып.2.- Сб. науч. трудов. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000.— С. 168-181.
22. Кустова Е.Ю. Междометия в интеракциональном пространстве диалогического дискурса (на материале французского языка) /Е.Ю. Кустова // «Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета», № 1. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000. — С.32-36.

23. Кустова Е.Ю. "Пассионарность" и когнитивность спонтанного диалога: эмоциональный дейксис /Е.Ю. Кустова // Вопросы романо-германской и русской филологии. - Межвузовский сб. науч. статей. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000.- С. 125-131.
24. Кустова Е.Ю. Эмотивность и экспрессивность учебного диалога / Е.Ю. Кустова // Многоязычие Северного Кавказа и проблемы этно-лингводидактики. Теория и практика обучения иностранным языкам на пороге XXI столетия. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001, с. 89-90.
25. Кустова Е.Ю. О "спонтанности" эмотивных речевых единиц /Е.Ю. Кустова // Международная научная конференция "Форма, значение и функции единиц языка и речи". - Минск, Беларусь, 2002.-С. 95-97.
26. Кустова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова в речи /Е.Ю. Кустова // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения -2003».- Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2003- С.67-68.
27. Кустова Е.Ю. Звукосимволическая репрезентативность междометных речевых единиц /Е.Ю. Кустова // «Исследования в области французского языка и французской культуры: новое тысячелетие — новый этап. Материалы международной конференции. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004.-С.179-182.
28. Кустова Е.Ю. Функциональная конверсия модусных и диктальных междометных репрезентативов во французском языке / Е.Ю. Кустова // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения -2004». - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. - С.51-52.
29. Кустова Е.Ю. Прагматические аспекты аксиологического высказывания. /Е.Ю. Кустова // «Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру». Материалы IV международного конгресса. Симпозиум VIII часть II. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. – С. 50-51.
30. Кустова Е.Ю. Речевое намерение как интеракциональная категория /Е.Ю. Кустова // Материалы межвуз. науч.-практ. конф.«Университетские чтения -2005». -Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2005 - С.229-231.
31. Кустова Е.Ю. Интенциональность речевого взаимодействия /Е.Ю. Кустова // "Личность, речь и юридическая практика". - Сб. науч. статей. Вып – 8.- Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2005. - С.92-96.
32. Кустова Е.Ю. Французский анекдот: реалии языка в зеркале обыденного сознания /Е.Ю. Кустова // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения -2006». Часть III. -Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, , 2006 - С. 92-96
33. Кустова Е.Ю. Реалии языка в зеркале обыденного сознания (на материале малых фольклорных форм) / Е.Ю. Кустова // "Личность, речь и юридическая практика". - Сб. науч. статей. Вып. 9. – Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2006. - С.110-113.
34. Кустова Е.Ю. Делокутивы как перформативы /Е.Ю. Кустова // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. - Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2006.- С.109-112.

35. Кустова Е.Ю. Междометия как семиотические конверсивы /Е.Ю. Кустова, А.В. Тамразов // "Личность, речь и юридическая практика". - Сб. науч. статей. Вып 10.- Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2007. - С. 227-230.
36. Кустова Е.Ю. Семиотические конверсивы в языке и речи /Е.Ю. Кустова // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения -2007». Часть III. -Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007. - С.59-64
37. Кустова Е.Ю. Семиотические конверсивы как элемент метауровневой структуры дискурса /Е.Ю. Кустова // "Исследования в области французского языка и французской культуры. Текст: проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания". - Материалы II международной научной конференции. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007.-С. 46-51.
38. Кустова Е.Ю. Семантико-прагматическая конверсия как продукт лингво-экологической деятельности / Е.Ю. Кустова // «Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру». Материалы V международного конгресса. Симпозиум X .Теоретические и прикладные аспекты исследования языков.- Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2007. – С. 221-224.
39. Кустова Е.Ю. Интертекстуальная функция междометий (на материале французского языка) /Е.Ю. Кустова // "Личность, речь и юридическая практика". Материалы международной конференции. -Сб. науч. статей. Вып 11.- Ростов-на-Дону: Изд-во ДЮИ, 2008. - С. 58-61.
40. Кустова Е.Ю. Интеръективность французского диалогического дискурса /Е.Ю. Кустова // Французский язык и межкультурная коммуникация. Материалы международной конференции.- Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008.- С. 76-80.
41. Кустова Е.Ю. Функционально-семантическая дистрибуция междометий французского языка /Е.Ю. Кустова // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения -2008». Часть IV. -Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008. – С. 206-210
42. Кустова Е.Ю. Семиогенез звукоупотреблений в языке и речи /Е.Ю. Кустова // «Язык – Сознание - Культура - Социум». - Сб. докладов и сообщений международной научной конференции памяти профессора И.Н. Горелова.- Саратов: Изд. центр «Наука», 2008.- С. 502-506.
43. Кустова Е.Ю. Интеръективы как дискурсивные операторы и коннекторы /Е.Ю. Кустова // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Университетские чтения -2009». -Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009. – С. 181-185.
44. Кустова Е.Ю. Интеракциональные функции французских интеръективов /Е.Ю. Кустова // "Исследования в области французского языка и французской культуры: языковая картина мира и межкультурная коммуникация". - Материалы 3-й международной научной конференции. - Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2009.- С. 176-181.

Работы под № 4,5,6,7,8,9,10,11,12 опубликованы в изданиях, соответствующих списку ВАК РФ.